

Петр Ингвин

Всемуко Путенабо

16+

Петр Ингвин Всемуко Путенабо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649052

SelfPub; 2023

Аннотация

Любовь заставляет совершать подвиги и подлости. Не заставляет – значит, не любовь. На что пойдет мужчина, у которого украли счастье? На что способна женщина, если ей изменили? (Автор обложки – Ингви Петрин.)

Содержание

Часть 1. Пятница, вечер	4
Часть 2. Суббота, утро	59
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Петр Ингвин Всемуко Путенабо

Часть 1. Пятница, вечер

Цок, пауза, цок, пауза, цок, цок, цок, цок... – отсчет барабанными палочками. Дрррррвжжжзззз... – вступает мотоциклетный рев электрогитары, переходя в визг и вой. Подключается ударная установка: бум-дум-тыцц! бум-бдум-бдыцц! Окутывает с головы до ног чувственная полифония клавишных, подхвативших ритм.

– Начали!

Обратный отсчет: 182

Кристина позвонила, что не успевает. Кирилл приехал в детский сад, и...

– Павлика уже забрали.

– Кто?!!!

– Н... не знаю. Я думала...

«Она думала»! Чем?! А еще глазки пыталась строить, ко-рова... Тьфу, хорошо вслух не вырвалось.

– Кто забрал?!

В глазах тьма. В коленях слабость. Скулы рвут кожу.

– Я не видела. Но...

– Ну?!.. – Кирилл одновременно взбешен и опустошен.

– Было несколько родителей... – Воспитательница морщит лоб. – Павлик вышел вместе с Колей и Настей, он оделся... Я видела, как его ведут за руку. Думала, кто-то из вас...

«Думала»!..

– Телефоны родителей Коли и Насти, быстро. – Кирилл опустил на детскую лавочку перед шкафчиками. – И всех, кто здесь был... или мог быть в ту минуту.

181

Мороз. На бровях – иней. Февраль в этом году – нет слов, одни междометья. Пальцы едва слушались, телефон врос в ухо:

– Кто именно вел Павлика за руку? Мужчина? Женщина? Как выглядели?

Ноги машинально несли Кирилла по знакомой дороге, взгляд прыгал по сторонам – вдруг?

Если бы не мороз...

– Вы не волнуйтесь. Может быть, это ваши бабушка или бабушка. Кирилл, вы всем своим позвоните, может...

– Не может.

Голоса в трубке сменялись. Результат – ноль.

– Не обратили внимания... Не видели... А Павлик – это который? Такой смешливый, стриженный, с торчащими ушками? Нет, сегодня не видели. Не знаем. Не помним.

Павлику – пять. Лопухое чудо. «Р» и «л» не выговарива-

ет, вместо них получается «х»: «Павхик. Папа Кихих. Мама Кхистина». Весьма самостоятельный молодой человек. Если вспомнить про гены, то вполне мог смыться из садика и пойти домой сам, с Кириллом в детстве такое бывало.

«Домой» – в кавычках. С Кристиной разошлись два года назад. Сына, конечно, забрала она. Иногда просила посидеть с ним по вечерам или, как сегодня, взять на все выходные.

Щеки онемели. Негнущиеся пальцы с трудом спрятали бесполезный телефон. Глаза рыскали.

Кириллу тридцать один. Кристине – двадцать восемь. Алёне – двадцать пять. Алена ждет дома. Кристина – «дома», но не ждет. Думает, что Павлик с ним, с Кириллом.

Надо смотреть лучше. Не найдется по пути – значит, нужно вернуться обратно и расширить круг поиска. Проверить дворы. Стройки. Подъезды. Подвалы. Чердаки. Если Павлик ушел сам и заблудился – замерзнет. И это далеко не единственное, что может случиться с ребенком в городе.

Прочесать все. Поставить на уши знакомых и незнакомых.

Мысли скрежетали по нервам, царапали мозг изнутри и ломали на кровавые куски. Не мысли, а ядовитые когти. Дедушки и бабушки? Тети и дяди? Увы, нет никого, кто мог бы забрать сына вместо.

Полиция? Самое простое. Ага, так и бросились они в минус тридцать искать живую иголку в каменном стогу. Заявление, конечно, примут, но не больше. Им нужна уверенность, что ребенок действительно пропал.

Ребенок действительно пропал.

Плечи передернуло. Мороз не только снаружи. В носу – оплавленный лед. Выбросы пара участились, пульс сошел с ума. Сапоги отскрипывали в снегу реквием по будущему.

И все же – полиция. Кирилл вновь лезет за телефоном, и в этот момент раздается звонок.

180

Слева – блондин. Вееры ресниц подрагивают, на лице – умиротворение и отрешенное блаженство. Блондину хорошо и снится что-то приятное.

Кристина осторожно поворачивает голову направо.

Брюнет. Тоже спит. Тоже доволен. Еще бы.

Она улыбается, сладко потягивается и аккуратно, чтобы не разбудить блондина и брюнета, выбирается из-под одеяла. Ногами – прямо на подушку, иначе никак, только по безмятежно спящим соседям. По всему телу – мурашки. Она ежится и обхватывает себя за плечи. Все равно холодно. Перешагнув блондина, она несется в детскую. В ванную бы нужно, но ванная подождет. И одеться – тоже подождет. Все подождет.

Под ногами холодный линолеум. Его сменяет пушистый коврик. Дверь – на защелку. Кристина склоняется над спрятым в детском шкафчике ноутбуком.

В детской спальне темновато. Спасают уличные фонари, сквозь шторы проникает немного света. Взгляд опускается

на часы внизу экрана – всего лишь семь вечера. Надо же, как погуляли. Вечер. Хотя... Время суток – понятие относительное, оно зависит от стиля жизни и конкретного занятия.

Забрать Павлика она поручила бывшему мужу. Мальчику лучше общаться с отцом, чем с *этими*.

Образовавшимся временем она распорядилась безупречно. А завтра... Завтра будет еще безупречней. Завтра будет нечто!

Громкость выставлена на минимум еще вчера. Аппарат нехотя просыпается, недовольно жужжит и, наконец, показывает, что от него требуется. Кулаки победно сжимаются: есть! Одним выстрелом – двух зайцев. Красота. Думали, что охотники. Кролики! Не все скоту с маслом. Теперь посмотрим, как запрыгаете.

Пальцы стрекозами порхают по клавиатуре, отсветы на стенах сменяются вместе с фоном открываемых окон.

Кому: «Чрезвычайная комиссия».

Тема: «Срочное кино».

Пароль: «Ложись».

Отправлено.

Шорх! – стерто и удалено из корзины. Пасть ноута с легким всхлипом захлопывается.

Даже как бы потеплело. Ноги на коврике. Грудь торчком, но уже без пупырышек. Кстати, грудь еще очень даже ничего, если не забывать про осанку и плечи.

Счастливый выдох: дело сделано. Прикрыв шкафчик,

Кристина выглядывает из детской.

Блондин проснулся. Видит ее. Счастлив. Чертов кроль ненасытный. Сейчас, милый, сейчас, мой зайчик, уже иду. Но сначала в ванную, на минутку... или на три... Глядишь, и нужный звоночек раздастся.

179

– Привет. Нервничаешь?

– Кто это? – Кирилл глядит на незнакомый номер.

Намеренно гнусящий голос хихикает:

– Меньше знаешь – крепче спишь. Готов безболезненно расстаться с некоторой суммой в обмен на жизнь близкого человека?

Кирилл замер.

– Слушаю.

– Умница. Насчет излишних телодвижений в сторону «красных» или «черных» – сам понимаешь. Шаг в ту сторону – прости, тебя предупреждали. Тогда – прими, Господи, душу создания своего...

– Понял уже, – перебивает Кирилл. – Сколько?

– Совсем чуть-чуть по нынешним меркам. Десять кило зеленых.

Десять тысяч долларов. Кирилл даже не колеблется.

– Когда?

Слышно удивление, смешанное с уважением:

– Завтра в полдень.

– Где?

– Бродвей. Арка. И без хвоста. Понимаешь.

– Буду.

– Приятно иметь дело. Бывай.

Ту. Ту. Ту.

Завтра в двенадцать. Центральная улица. Главный вход в торговый центр «Атриум». В полицию не заявлять. К бандитам и детективам не обращаться. Уф.

От сердца отлегло. Ясность. Спокойствие.

Все живы.

178

Она летала на крыльях. Даже не так. Без крыльев. Просто – летала.

Через неделю должно наступить Оно – Событие. Главное. Дождалась!

Дождалась?

Дождалась...

Горячие струи били в лицо и обтекали тело. Как губы и руки Кирилла.

Сквозь шум воды что-то пробилося. Звонил телефон. Кирилл? На него выставлена другая мелодия. А вдруг что-то важное? Отключив воду, Алена перешагнула бортик ванны.

– Да? – счастье так и лучится в трубку.

Руки оттерли с плеч и живота последние капли. Кожа упруго дышит. Жизнь прекрасна.

– Супруга Кирилла Матвеева?

– Да. – Маленькая ложь не в счет. Еще нет, если по паспорту. А по сути да.

– Вы сейчас дома?

– А что?

– Несчастный случай.

Боже...

Незаконченный стук сердца. Полет в пропасть. С высоты – об острые камни.

Кирилл. Долгожданное счастье. Они встретились три года назад. У него были проблемы в семье. У нее были проблемы в семье. У них вместе проблем не стало.

Муж дал развод почти сразу. Кириллу пришлось добиваться юридической свободы еще два года. Делить (в смысле – отдавать) движимое и недвижимое. Утрясать все связанное с документами. Отрывать родное.

Трудно, когда одна из сторон принимает развод за рыбку золотую. Но вот невод пуст, и делить больше нечего. Отдано бывшее, расчекрыжено нынешнее, поделено предстоящее. Потрепав друг другу нервы и жизни, стороны пришли к соглашению. Кристине – все и Павлик, Кириллу – Алена. И вот теперь, за неделю до свадьбы...

– Что с ним?!

– Вы дома?

– Да! – Она ничего не видит, в глазах соленая пелена.

– Срочно спуститесь вниз.

Стул опрокидывается. Входная дверь остается незакрытой. Едва не сбитая с ног соседка материт вслед и крутит пальцем у виска.

Со второго этажа – три пролета: два больших и нижний, подъездный, в котором всего шесть ступенек. Шлеп-шлеп-шлеп – потому что тапочки. И халат. Больше ничего. Когда раздался звонок, она забыла обо всем.

Тугодум-домофон не понимает важности момента. Нервы. Улица.

Мороз обливает жгучим пламенем, забирается под, на и в. У дверей – машина с темными стеклами.

– Сюда, – зовет кто-то изнутри.

Дверца отворяется.

Взмыленная, бурно дыша, Алена нагибается, собираясь спросить...

177

– Верите, – златокудрая голова нежно склоняется к плечу соседа, – что все в жизни – неслучайно?

Чувственный шепот едва слышен. Мужчина нервно оглядывается направо, где сидит супруга, но та поглощена кинодействием и ничего не замечает.

Ему неловко. Он косится на таинственную незнакомку слева. Взгляд пробегает по ней сверху донизу, задерживаясь на особых обстоятельствах.

Все при ней. Одета с шиком. Не вульгарна. Симпатична.

Впрочем, ничем не лучше жены.

Но и не хуже. В уме щелкает калькулятор. Накрывают туманы, и проносятся ветра. Наконец, из-за согнанных туч выплывает солнце.

Он улыбается.

Она встает и медленно выходит. Фильм продолжается. Жена переживает за героиню, которая бьется в истерике, потому что ей изменил герой. Мужчина ерзает и косится на опустевшее кресло – на еще теплом от сдобного наполнения месте белеет визитка.

– Стоп.

Изображение на мониторе замерло. Потянувшаяся влево рука мужчины – змея, крадущаяся за добычей. Картина маслом.

Докладчица смотрит на собравшихся.

– Слишком примитивно, – говорит одна.

– Слишком нахально, – допускает вторая. – Легко напугать.

– Слишком сложно. – Третья сексуально потягивается и кривит губки. Она самая юная из всех и не пропускает случая это подчеркнуть.

Докладчица и две другие – старше и мудрее. Они не смотрят на третью. Они думают.

– Я бы заставила сделать первый шаг, – первая.

– Романтика и тайна хороши, – вторая, – если не переусердствовать.

– Они на все клюют, – третья. – Только покажи.

Докладчица:

– Этот – другой. На Лизу не клюнул.

Третья хмурится. Получается, что и у нее могло не получиться. Лиза – конкурентка по возрасту и стати. Правда, в Комиссию не входит. Пока. Но при случае легко заменит.

– Я бы смогла, – заявляет третья.

Остальные в ответ улыбаются: молодо-зелено, но дело свое знает и сообществу предана. За то и держат ближе к себе, а не за гладкость юности при объеме зрелости.

– У него до сих пор – только с бухгалтершей из соседнего отдела. Тщательно скрывает. А та не смогла.

Докладчица закидывает ногу на ногу, чего, впрочем, не видят виртуальные собеседницы – камера берет только верх. Рука тянется к кнопке запуска следующей записи:

– Смотрим результат?

Первая и вторая пренебрежительно cedят:

– Что там смотреть?

– Все как обычно? – не удержавшись, любопытствует третья. Как бы ни харахорилась, а учиться у старших не забывает. Умничка.

– На пять с плюсом.

– И все равно, – вздыхает первая. – Подбить на измену во время кино про измену... Мельчаем.

– Главное – результат, не так ли?

– Хочется сделать красиво.

Первая кивает и, меняя тему, обращается ко второй:

– Что с «Риэлтингом»? Чарли торопит.

– Одним из объектов занимается Роза. – Вторая смотрит на часы: – Как раз в эту минуту.

– А другим кто? – интересуется недавняя докладчица.

– С ним Лиза работает. Пока – ноль.

Третья едва сдерживает злорадство. Счет в ее пользу растет.

Докладчица видит мигающий ярлычок:

– Кристина сбросила отчет.

– Отлично. – Все переглянулись. – Кто займется дальнейшим?

Докладчица поднимает руку первой.

176

Серый стеклянно-бетонный муравейник гудит и сверкает мутными глазами вставшего в пробках автостада – впереди авария или ремонт дороги. Из-под зада каждой стальной особи поднимается белесый туман, он окутывает натужно клацающие, как в ознобе, морды тех, кто притискивается сзади, и обдает псевдотеплой вонью перебегающих прохожих, прикрывающих нос меховыми варежками. Ноги несут Кирилла домой. Не «домой», к квартире бывшей жены и украденного солнышка, а к любимой.

Он думает о деньгах. Десять тысяч долларов. Похитители знают его жизнь, сумма реальна. Громадна, да, но реальна.

Если бы не развод – вполне посильна, чтобы занять и со временем отдать. Если бы не развод.

Мороз выжигает кости. Главное, Павлик пока в безопасности.

В подъезде Кирилл топает, сбивая налипший снег, и поднимается на второй этаж. Негнущиеся пальцы долго выжидают в кармане ключи и с трудом вставляют нужный в замок.

Черт. Черт-черт-черт. Ключ не желает выполнять предназначение. Перепутал? Нет, ключ правильный. Еще раз. Якорный бобер, не заперто! Почему? Алена не могла...

Рука осторожно жмет ручку вниз и на себя, глаза шарят в образовавшейся щели. Ничего. Свет не горит. Тишина.

Шаг. Еще шаг. Кисть нащупывает битую под плащом на вешалке справа от входа, пальцы жадно обнимают прохладную рукоять.

Еще шаг, уже с битой наперевес. Алена обязана быть дома. Или спит (но почему так безалаберно отнеслась к безопасности?!) или...

Одновременное движение спереди и сзади. Скрытое полумраком злое лицо подростка.

Макушка не создана для ударов тяжелыми предметами. Даже в шапке-ушанке. Кирилл проваливается в бессознательное.

на. Волосы высушены и уложены. Кристина окидывает себя довольным взором, зеркало ухмыляется в ответ с показным дружелюбием, снисходительностью и легким презрением.

Она решается. Что ни говори про *этих*, но все же лапочки. Так старались...

Кристина отворяет дверь. Плечи, осанка, приветливый смайлик. Пусть еще немного порадуются.

– Зайчики, я...

Что происходит? Брюнет быстро одевается. Гнев в глазах. Блондина нет. Дверь в детскую открыта.

– Ты!.. – яростно вращает белками брюнет, безуспешно вталкивая ногу в перекрученную штанину.

Конец всему и вся. Говорила же, нужно лучше прятать.

За распахнутой дверью у шкафчика сверкает волосатая задница блондина, нагнувшегося над компьютером. Его лицо в содержимом находки, ему не до приличий. Впрочем, какие тут... Смешное слово. После всего.

– Ничего нет! – Он со злостью лупит клавиатуру, будто виновна именно она.

– Ищи лучше! – настаивает брюнет. – Должно быть. Иначе – зачем?

На шелке смятого лежбища вырванным глазом валяется микрокамера. Вот тебе и «микро».

– Поучи еще, чайник! – огрызается из детской белый зад. – По ходу, успела удалить...

Брюнет угрожающе надвигается на Кристину. Айсберг на

маленькую лодочку. Дровосек на березку. Люли-люли, заломати...

«Дззз! Дум-дум-дум!» – звонок и стук одновременно. Наконец-то.

– Откройте, полиция!

Два «б» – брюн и блонд – синхронно оглядываются на входную дверь.

Страх. Ненависть.

У Кристины к ним – брезгливое высокомерие.

– Дошло? – Она царапает себе грудь. Полосы на коже смотрятся жутко.

– Но камера! – Брюнет в трансе. – Камера – доказательство умысла и провокации, тебе не поверят.

– Иметь дома не запрещено. А записи нет.

Она улыбается.

– Сучка! Ты же сама нас...

Кристина набирает полные легкие воздуха и бросается к двери:

– Помогите!

Что пережил Кирилл, когда очнулся и понял, что ни Алены, ни Павлика нет? Представьте. Но придется помножить на десять. Потом на сто. Потом перестать лезть в чужую душу, которая потемки. Для тех, кто не любит. А кто любит – поймет.

И да минует нас чаша сия.

Квартира зияла пустотой. Пустота – не отсутствие мебели, техники и тряпок. Это когда близкие люди исчезли. Все остальное – не пустота, а обстоятельства.

Обстоятельства сообщили глазам, что квартиру обчистили. Кирилл наскоро оглядел вывернутые шкафы и выдернутые ящики тумбочек. Крупная техника на месте, а мелкое не в счет. Особых ценностей у Кирилла с Аленой не было. Унести крупное воры просто не успели – видимо, Кирилл спугнул их, и они сбежали, унеся то, что первым попало под руку.

Обокрали – пусть, это обидно, но не катастрофично, вещи в жизни не главное. Главное – где Алена? Тоже унесли, как величайшую драгоценность?

Мозаично, с выпавшими элементами, всплыло испуганно-агрессивное лицо ударившего недомерка. Загнанный в угол зверек. Он кусается именно потому, что загнан в угол, от отчаяния. Второй, скорее всего, тоже подросток. Ради ерунды такие на мокрое дело не пойдут. Тем более, простые воришки не возьмут заложника, он только мешать будет. И лишнюю статью пришьет, более серьезную, чем кража. Им хотелось просто пожить. Насилие? Могли бы, для куража. Особенно, если не местные. Но насилие оставляет следы. Следов нет.

Всплывает тот же вопрос: где Алена? Куда-то ушла до прихода воришек? Что заставило?

Кирилл, не глядя, извлек мобильник и ткнул в «номер один» быстрого набора. «Пам-па-пам!..» – запело в ворохе шарфов, перчаток и шапок в прихожей. Воришки проморгали. Но что это даст? Почему Алена не взяла телефон, почему не звонит с другого? Два часа назад она сказала, что пришла. Если была дома – почему впустила? Если не была, то почему и где она теперь?

Алена. Милая. Что с тобой?

Ее вещи нашлись все до единой – все платья, все брюки, вся зимняя и летняя обувь. Плащ, пальто и куртка. Белье – все, без исключения. Черт знает что. Кирилл напряг память, на которую никогда не жаловался.

Ага. Тапочки. И халат.

Голова гудела, будто ее вновь огрели утюгом. А огрели именно им, вот он, рядом валяется.

Дурдом. На улице – большой минус. В подъезде – маленький, но тоже. Куда в таком виде? К соседу за солью, а Кирилл тогда – рогатый герой анекдота? Бред. Алена не такая. Потому и выбрал. Потому и любит. И не только поэтому.

Понятно, про ограбление он заявлять не станет. Не до того. Объяснять придется многое, а это время, нервы и упущенные возможности. А нужно искать решения.

Павлик.

А теперь и...

Безжизненная пустота булькнула звуком напоминания о пропущенном сообщении. На вспыхнувшем экране появи-

лось уведомление. Оказывается, пока Кирилл шел по зимнему городу, пришло СМС. Он не слышал. Да и как, если мороз, уши закрыты, а душа рвется вперед и в завтра. А телефон глубоко.

Глаза вглядываются в безобразно прыгающие буквы:

«Павлик унас. Ни кому ни сообщай, если ни хочишь проблем. Готовь бабки штуку баксов. Будь через час у памятника Ленина. К тебе подойдут. Ни всдумай абмануть – убьем! Усек?»

Еще одни. И Павлик у них. У этих, безграмотных.

«Готов безболезненно расстаться с некоторой суммой в обмен на жизнь очень близкого человека?» – сказали те, которые завтра. Про то, что очень близкий человек именно сын, не было ни слова.

Алена?!..

173

Вращ – некрасивое погоняло, но присосалось насмерть. Отдерешь только с кровью. С кровью не хочется, себя Вращ любит.

Некрасивый, небольшой, сутулый, паукообразный. Сначала прозвали Хилым. Не прижилось, пусть внешне и вправду хилый. Паук – тоже отпало, не по чину. Стал Вращом. И хрен с ним. Про изначальное имя он даже не помнит. Незачем. Кому?

Три часа он простоял у подъезда. Точка наблюдения ме-

нялась несколько раз.

И ничего. Грелся в подъезде, пока соседские бабки не собрались звонить куда не надо.

Теперь опять на улице. Холодно. Ноги не ощущаются.

Профукал? Поди разбери, когда они все закутаны в платки да меховые шапки.

Все же интуиция подсказывает, что нужной девушки не было. А дома теперь кто-то есть, недавно зажегся свет. Проходили только мужчины и женщины в возрасте. Вот и ладушки.

Хватит ждать, мертвому или больному деньги ни к чему. С очередным открытием подъездной двери, выпустившей пенсионера с собачкой, Вращ опять оказался внутри. Игнорируя лифт, быстро поднялся на нужный этаж, движением разгоняя кровь. Потоптался на месте, пришел в себя, успокоил дыхание. Палец на звонок. «Плюм-блюм!» – внутри.

Дверь отпирают. Ура!

Мужчина. Серьезный пронизывающий взгляд. Половина тела скрыта за дверью – в руке возможно оружие.

Ноги сами делают шаг назад, вынося из доступной зоны. Понадобится – можно броситься вниз. Он заставляет себя произнести:

– Муж Алёны Агеенко?

Мужчина смотрит по сторонам, словно выискивает помощников-подельников. Вращ один. Но далеко. Холодным

оружием и, тем более, руками не достать. Если там что-то по-серьезнее – нужен достаточный повод для применения. Повода пока нет.

– Муж? – переспрашивает мужчина. – А что?

– Есть любопытная информация. О ней, об Алене. Интересно?

– Допустим.

– Это будет стоить...

– ...Твоей жизни, – перебивает мужчина.

Он смещается вбок.

Врач глядит в направленную в живот стальную смерть, готовую плюнуть свинцом. Нет, не готовую. Пока – не за что. Поджилки трясутся, но голова работает. Врач видел и знает жизнь.

– Это несерьезно, – говорит он. – Я деловой человек. Если вы не в настроении, могу зайти позже.

Он начинает разворачиваться.

– Стой.

Врач останавливается.

– Что у тебя?

– Кое-что про вашу Алenu. Цена... – Врач медлит, прикидывая уровень достатка по интерьеру за спиной мужчины и свои шансы получить хоть что-то. – Пятьдесят тысяч, – заканчивает он.

Мужчина ухмыляется:

– Долларов?

Врац поникает:

– Нет.

– Нет, – говорит мужчина.

Врац и ствол смотрят друг на друга. Оба в раздумьях.

– Сколько вы согласны заплатить? – делается последняя попытка материально оправдать свое появление в этом холодном провинциальном городишке.

– Смотря за что.

– Поговорим?

– Поговорим.

Дверь распаивается, мужчина отходит вглубь. Направленный пистолет делает приглашающий взмах внутрь. Огнестрел, травмат или газовик? Рассчитывать нужно на худшее. Впрочем, даже газовая струя или, тем более, резиновый шарик с такого расстояния в нужное место...

172

Кристина в восторге. Ее вид и окружающая обстановка говорят сами за себя, все получилось.

– Значит, сама? – хмыкает полицейский.

Скрученные б и б, одетый и голый, верещат. Офицер морщится и благородно помогает Кристине одеться. Как бы случайно косит глазом. Огонь в глазах не скрыть: дескать, красива, шельма. Возможно, не столько красива, сколько соблазнительна. Мол, он бы тоже не устоял, но надо делать дело. Может быть, потом еще зайдет. А, может быть, и нет. Он

считает, что она – пассия или родственница начальника. Так нужно для дела.

Полицейский бессильно вздыхает, взор окидывает одевшуюся хозяйку квартиры.

– Да, – говорит она, – сначала все шло хорошо. Отмечали. А потом...

Кристина плачет.

– Статья. – Гражданин начальник глубокомысленно позевывает. – Однозначно.

Когда полицейские ворвались внутрь, картина была недвусмысленна. «Обидчиков» повязали, успокоили, стали разбираться.

Блондина огорошивает прозрение:

– А кто вас вызвал?

Офицер многозначительно указывает ввысь. Не на соседей сверху. На *людей сверху*.

Плечи подставленных блонда и брюна опускаются. С *теми* шутки плохи. Попали.

– Попали, – подтверждает офицер понимание в их переглядывании. Он плотный и грузный, и кресло под ним, вальяжно раскинувшись, потрескивает и едва не разваливается. – Пишем. – Тяжелый взгляд падает на чересчур догадливого блондина, в глазах которого мельтешит просчет ситуации и поиск возможных решений через собственные связи: – Фамилия, имя, отчество?

Вмешивается Кристина:

– Офицер...

– Старший лейтенант Добрунин. – Полицейский делает паузу и, глядя ей в глаза, добавляет: – Александр, – еще одна пауза, – Петрович.

– Господин старший лейтенант... – Как же ему нравится быть «господином». – Можно на два слова?

– Конечно.

Кресло вновь стонет, теперь от счастья. Он и она выходят в детскую, остальные остаются в недоумении, но с надеждой. Есть время подумать. Но о чем?

– Итак. – Появившийся вскоре офицер хмуро смотрит на подозреваемых. Кристина не выходит. Дверь в детскую захлопывается. – Итак. Дама согласна не возбуждать дела... если вы забудете дорогу в этот дом.

Брюнет с блондином бешено кивают. Их устраивает очень. С удовольствием!

Кристина в детской улыбается. За удовольствия надо платить. Особенно за запретные. Но платить не ей, она – часть большого плана. Платить красавчики будут семейным счастьем, когда их жены увидят *это*.

Пусть идут на все четыре стороны. Сюда они не вернуться – офицер Добрунин тому поручительством (кстати, оставил номер личного телефона, хряк жирный. Надеется? Ну-ну). А дома их ждет...

Улыбка становится шире.

Хлопает дверь – та, что на лестничную площадку. Там все

устроилось как нельзя лучше. Осталось отчитаться окончательно.

Кристина берет за ноутбук. А перед глазами – Кирилл. Бывший. Сволочь. Не лучший, но свой. Был. Не ценила, дура. Теперь одна.

Ничего. Зато теперь у нее есть цель. Есть идея. Есть занятие.

Кирилл... Что Кирилл? Ему зачтется.

А завтра...

Она улыбается.

171

Через час?!

Часы показывают половину восьмого. Плохо учившиеся в школе похитители послали сообщение в шесть пятнадцать. Время упущено. Все ценности в доме похищены. Нестись к Ленину без толку. Что теперь?

Кирилл набирает номер – абонент недоступен. Ясен пень, боятся пеленгации. Или отработавший аппарат уже в канаве.

«Блюм!» – булькает еще одно сообщение. Опомнились?

Второй шанс?

Пальцы дрожат и чуть не роняют. Номер другой. Но текст...

«Насчет сына не парься, спи спокойно, о случившемся молчи. Инструкции завтра».

Какая-то ерунда. Смысл дублируется. Они же?

Или...

Если судить по стилю, что-то общее прослеживается. Но там – опасливый нахрап, здесь – уверенность и четкость. Там была полнейшая безграмотность, здесь вроде бы нормально. И опять же – зачем повторять то, что уже оговорено?

Если отправители разные – кто были первые и почему нарисовались остальные? И кто из них врет?

Кирилл открывает телефон Алены и смотрит последний принятый звонок. Так и думал. Всего несколько секунд разговора в семнадцать тридцать.

Он сравнил номера. Сошлось. Первые, которые на завтра, звонили с него же. В восемнадцать ноль три.

Хоть какая-то определенность. Осталось дожить.

Что же, деньги он с трудом, но соберет. Завтра. Спасибо похитителям, они реалисты. Если припрет, он заложит или продаст квартиру. Да, уйдет за копейки и только в случае, если с документами утрясется – хозяин все же не он. Но за деньги это решаемо. За деньги все решаемо.

К тому же, остается шанс, что до срочной продажи не дойдет и удастся занять. Под залог той же квартиры. Или у Владимира Терентьевича, директора фирмы. Правда, сейчас он в отъезде, но такой вопрос можно решить по телефону. Или взять займы по чуть-чуть у многих знакомых. Поймут, если объяснить. Дадут. Он бы дал. Только объяснять не хочется. Любой слух – это вопрос жизни и смерти. Для Кирилла второе неприемлемо. Только жизнь. Любой ценой.

Удар был нанесен точно. Забрали тех, кого он любит. Обоих. Сразу.

Он сделает все, что понадобится. Вернет. Обезопасит. А потом...

Если шантажу поддастся, тот непременно повторится. Закон природы. Законы надо знать. Их последствия – предотвращать. Лучше профилактика, чем.

А пока надо выяснить одну подробность.

Кирилл обежал все квартиры подъезда и опросил всех. Благо, в такой мороз к вечеру местные обитатели присутствовали почти в полном составе. И удача улыбнулась.

– Твоя ненормальная меня чуть на тот свет не отправила, – грозя кривым пальцем, причитала допотопная старушенция.

– В халате?

– Почти голая! В такой мороз...

– В тапочках?

– Я же говорю! Чуть меня к праотцам не отправила. А у меня радикулит. Даже стоять больно. А она – как слон, не разбирая дороги... Даже дверь не закрыла.

– Это вы закрыли?

– Еще чего. Говорю же, радикулит у меня. Не могу я за всеми дверями закрывать.

– Она была одна?

– Мне и одной хватит. Сердце слабое. Зрение. Сил нет. А она...

– Кто был на улице?

– Да откуда я... Меня чуть не убили! Скажи ей, что если еще раз...

– Обязательно. Большое спасибо. Больше такого не повторится.

Не повторится? Соврал. Душа говорит, что хоть каждый день, лишь бы Алена вернулась. А бабулька – крепкая, дай ей Бог всего и здоровья.

Значит, воры не взламывали замок, а вошли в открытую дверь. К исчезновению (похищению или, как вопреки всему надеялся Кирилл, уходу Алены) отношения не имеют.

Где же ты, любимая?

170

Конечно, ночью он не спал. Просчитывал. Прикидывал. Выворачивал наизнанку. Сомневался. Верил. Не верил. Хотеть умереть. Хотел всех убить. Хотел вернуться во вчера, и чтобы никакого сегодня.

Безграмотное сообщение – как от мальчишек. Может быть, пацаны и баловали? Бывает, изображают похищение, чтобы потом вместе конфет или пива купить. Или маму-папу проучить. Мало ли. В воспитательных целях чего не бывает, а дети злопамятны. И мыслят они нешаблонно. И моралью до некоторых пор не обременены в той степени, чтобы понимать последствия таких капризов. Увы.

Но. Нет у Павлика таких приятелей. Нет и у Кирилла таких приятелей. У Алены тоже.

Соседские? Могли бы. Из зависти, что живут чуть хуже. Но забрать ребенка из садика так, чтобы никто не заметил... увести... куда? Не вяжется.

Голова шла кругом, мысли маршировали под заданную мелодию. Трудно взглянуть со стороны. А надо. Судя по всему, одни взяли Павлика, вторые – Алену. Звонков и сообщений – три. Все с разных номеров. Как минимум, что-то одно – «липа».

Либо первые бесчеловечно пошутили, либо новое сообщение – еще один шанс от них же. Впрочем, Кирилл повторяется. Ничего нового.

Полиция? Слишком неповоротлива. Слон в антикварной лавке. Одно неловкое движение – и главная ценность рассыпается на кусочки. Нет. Будь сумма несусветной – тогда да, другого пути нет. Но первые из звонивших понимают реалии. Вторые, которые эсэмэсили, если дважды одни и те же – несерьезны. Даже карикатурны. Словно играют в похитителей, хотя ими не являются. Или этикие отморозки из беспредельщиков, которым все по фигу. Не приведи Господи.

Стоп. Есть же знакомый, спец по отморозкам. Недавно вместе работали в фирме, где он, Кирилл, продолжает работать. Алекс. Служил в спецвойсках, но никогда об этом не распространялся. Скромняга. Однажды, спасая честь женщины, поступил как мужчина, в итоге разжился условным сроком за превышение самообороны. Когда вернулся из следственного изолятора, ушел к небезызвестному в городе

Сычу, главе самой могущественной в городе «конторе» бывших рэкетиров. В изменившихся с девяностых годов реалиях «контора» Сыча легализовалась как холдинг по разным направлениям. Разным? Ха. Направление у всех одно – прибыль. Алекс все же ушел туда, еще и приятеля из фирмы перетащил, Леонида. Оба говорят, под крылом Сыча можно творить добро. Не верится. Какая разница. Главное, имеются координаты. Именно команда Алекса именем Сыча опекала «Риэлтинг» от тупых или несправедливых наездов.

Алекс поймет правильно. Сумеет помочь – поможет, нет – скажет прямо.

Пусть ночь, пусть хоть конец света. В конце концов, у того работа такая, а у Кирилла – ситуация. Телефон загудел ожиданием.

– Кто? – Голос у Алекса сонный и недовольно-ворчливый.

– Кирилл из «Риэлтинга». Прости, что поздно.

– Скорее, рано. Здорово, Кирюха. – Не забыл ведь старого приятеля. Сталь в тембре исчезла. – Проблемы?

– Да.

– Фирма?

– Сын. И жена.

Короткая пауза на том конце сжавшегося до уровня трубки мира. Мира, который рушится.

– Ты дома?

– Да.

– Жди.

Денис и Иван снимали комнату в частном доме. Две соседних занимали Давыдовы – он (ксенофоб проклятый), она (эх, если бы не он, уж они бы с ней...) и несносное оно – их неугомонный Колька. Маленький монстр. Необезвреживаемая мина с ногами. Ну, ничего. Ненадолго.

Скоро их увезут из города. Ищи-свищи вольного странника. А пока...

Денис и Иван – это для посторонних. На самом деле – Дэни и Ян. Мороз помогал скрываться, торпедам Сыча их ввек не найти. Только если лицом к лицу на улице встретиться, а против этого есть простое средство: как можно реже выходить из дома. Лучше вообще не выходить.

Им повезло. Фартовые – они и в Гваделупе фартовые (интересно, где это).

Дранные обои, ветхая мебель времен, надо думать, Генсека Кукурузного, посуда и белье – современники дяди Кобы... И что? Пожалуй, только барон живет лучше. На первом месте – жизнь, на втором – свобода, тогда третье рано или поздно приложится. Лучше бы, конечно, рано.

Лежа на постели, Дэни рассказывал что-то смешное. Сам же и хохотал. В какой-то момент он обидчиво обернулся к Яну.

– Тсс! – Ян приложил палец к губам.

Дэни умолк и вслушался. За дверью успевший принять

на грудь Давыдов говорил с кем-то по стационарному. Он и монстрик только что зашли, звонок застал их в прихожей.

– Да не видели мы! – надрывался Давыдов. Ему, понятно, хочется накатить еще и отправиться бай-бай, а тут... – Вы всем своим позвоните, может...

Из трубки неслось отчаяние. Давыдов устало долдонил:

– А Павлик – это который? Такой смешливый, стриженный, с торчащими ушками? Нет, повторяю, не видели. Рядом с нами не шел, а вперед и назад я не смотрел, не до того. Холодно было, торопился. Извините.

Дэни и Ян склонились к замочным скважинам – их в двери несколько. Сама дверь – хлипкая, чуть ли не из картона, но каждый постоялец считал своим долгом обезопасить личное имущество от соседей. К тому же, как рассказывали хозяева, старые жильцы нередко съезжали не заплатив, ключи утаскивали с собой, оттого приходилось врезать новые замки.

В прихожей Давыдов кладет трубку. В его руке материализуется початая емкость. Она мгновенно пустеет. Слышно довольное кряканье.

Там дверь захлопывается. Здесь быстро открывается. Дэни – змеей к телефону. Хорошо, что аппарат не древний дисковый, а кнопочный с экранчиком. Нужная кнопка – и на сером фоне высвечивается последнее соединение.

Ян уже рядом. С ручкой. Пишет прямо на руке. Затем следует кивок в комнату на разобранный сотовый телефон, ко-

торым пользовались лишь однажды. Он только для крупных дел. И вот – для последнего дембельского аккорда. Потом – прощайте, не поминайте лихом. Или поминайте, от нас уже не убудет. Зато, возможно, прибудет.

Не сказано ни слова. Зачем? Давно работают вместе. И все еще живы и здоровы.

Слова не нужны. Ян и Дэни одеваются и отходят подальше от дома. Это обязательно, у ищеек Сыча возможности неограниченные. Дэни вставляет аккумулятор, включает мобильник и дожидается, пока тот загрузится. Ян протягивает ему под нос руку с закатанным рукавом. Быстро немеющие на холоде пальцы дают едва читаемые цифры. Приходит время букв. С этим сложнее.

168

Виртуальное совещание в разгаре. Второе за ночь. Впрочем, сегодня суббота, можно выспаться днем. Главное – дело, а дел этой ночью хватает. Недавняя докладчица теперь отчитывается по Кристине:

– В целом все нормально, успели вовремя.

– В целом?

– Был неприятный момент с камерой, здесь вина установщицы. Обошлось. Утром я встречусь с женами, покажу. Если что – приглашу.

В видеоконференции участвуют только члены Комиссии. Они знают больше остальных. Они самые лучшие. Стаж ро-

ли не играет, главное – умения. В любой миг возможна ротация, поэтому каждая жаждет взять на себя больше и сделать лучше. Сделать даже то, что в обычной жизни считает неприемлемым. И соблюсти установленный Чарли принцип трех К.

– Марго, Роза объявилась?

Первая, которую назвали Марго, согласно опускает глаза:

– Только что.

167

– Ты развелся? – в трубке слышна радость. – Значит...

– Откуда? – цедит мужчина. Он недоуменно кривится. Нога на ногу. Дым в сторону краем рта. Пепел в пепельницу, очень осторожно – он все же не дома.

Ох уж эти бабы. Владимир Терентьевич недоволен. Роза, конечно, хороша, но у него на уме другое.

– Школьная подруга в ЗАГСе, – открывает она карты.

– И ты ей?!..

– Но ты же...

Опять впереди паровоза. Почему женщины всегда так?

Он молчит.

– Я думала...

– Не давал повода.

– Зачем же?

– Превентивные меры, – кисло усмехается Владимир Терентьевич. Привычным движением он достает из кармана

флакончик со спреем и поочередно прыскает в обе ноздри – с заложенным носом разговаривать трудно, и выглядит такой разговор несолидно. А с дамочками вроде Розы нужно быть твердым. Продышавшись, он продолжает тем же деловым тоном: – Доброжелатели позвонили, и пришлось. Это как бы не всерьез.

– Как бы или действительно не всерьез?

Владимир Терентьевич не удостоивает ее ответа.

Только что он сделал большое дело. Сам не ожидал, что решится. Решился. Только так он построит новое лучшее будущее.

Роза вздыхает. Говорит с бархатным придыханием:

– У тебя проблемы?

– Теперь не у меня. – Он снисходит до нежности. – Прости, рыбка, мне сейчас некогда. Прощай.

Владимир Терентьевич говорит тихо, поскольку не один.

166

– Что у Розы?

– Не успели, – отвечает первая.

– В каком смысле? – не понимают остальные.

– Он разводится. Правильнее сказать в прошедшем времени – развелся. Вчера. Срочно. Приплатил сотрудникам ЗАГСа за скорость.

– Обидно, – бурчит под нос третья. – А что со вторым?

– У Лизы не было возможности. Клянется, что завтра.

– Последний срок.

– Может, кто-то другой возьмется? – третья до хруста потягивается, ее антигравитационные достоинства выпячиваются... Таким способом она привычно издевается над древними, с ее точки зрения, старухами, которым летят четвертые, а то и пятые десятки. – Сколько можно ждать? Пора перепоручать.

Марго сообщает:

– Чарли в этом направлении ведет кое-что параллельно.

Это всех успокаивает. Чарли – это да. У Чарли все под контролем.

Их Комиссия – как бы «Ангелы Чарли» из старенького боевичка, потому и основателя прозвали именно Чарли, так само получилось. А уж ангелы или демоны – это кому как.

165

Чем метеорит отличается от метеора? Тем, что второй еще летит.

Алекс прилетел быстро. Звонок по домофону, пять секунд на три пролета, приближающийся звук шагов на площадке. Дверь открыта заранее.

– Рассказывай.

Метеорит.

Кирилл не утаил ничего. Заснеженные шапка, теплая куртка и ботинки Алекса остаются в прихожей.

– Понятно. – Он сосредоточен. – На кого думаешь?

Пожатие плеч. Если бы. Тогда Кирилл не спал бы дома, а действовал.

– Понятно, – повторяет Алекс. Его уверенное спокойствие постепенно передается Кириллу. – Давай по порядку. Кто мог забрать из садика?

– Я. Кристина. Больше никто.

– Алена?

Кирилл хмурится:

– Могла. В смысле, что с ней Павлик тоже пошел бы. Больше ни с кем. Но Алене ребенка не отдадут, в садике строгие правила.

– Кристине сообщил?

– Нет. Никому.

– Кристина не могла забрать, а тебе не сказать?

– Она звонила за пять минут до того, как я пошел за Павликом. Слезно уверяла, что не успевает. Розыгрыш не в ее стиле. Она знает, что за такой розыгрыш я ее прокляну и придушу. Это не она, точно.

На улице грохочут ночные работы по благоустройству. Бьет по ушам перекрикивание водителей снегоуборщика и самосвала. Крепкие выражения на весь двор. Ночью слышно ого-го. Алекс морщится.

– Дедушки-бабушки-родственники? – вопросительно ползет вверх одна его бровь.

– Мои на Дальнем Востоке. Мать Кристины скончалась.

– Отец?

– Давно разошлись. Он тоже издалека.

– У Алены?

– В Белоруссии. Я с ними даже не знаком.

В глазах гостя – изумление.

– Они друг с другом не общаются, – поясняет Кирилл. – Я надеялся, что на свадьбу кто-то приедет. Роспись через неделю.

– Поздравляю.

Пальцы Кирилла хрустят. Алекс прикусывает губу:

– Прости. – Он показывает на тумбочку: – Телефон Алены?

– Да.

– Смотрел?

– Мне и ей звонили с одного номера.

– Ты рассказывал. А другие звонки, сообщения ей, от нее, электронная почта, заметки?

Кирилл опускает голову. Это телефон любимого человека, и, тем не менее, это чужой телефон. Если бы Алена без спросу полезла в его аппарат...

Пальцы Алекса ловко летают по кнопкам.

– Ничего, – успокаивает он через минуту. – Чиста твоя Алена. Номер телефона ее родителей подскажешь? И адресок, чтобы снять все вопросы сразу.

У Кирилла – взор заслуженно побитой собаки:

– Они даже не переписываются.

– Тоска... Забудь про письма, живем в век электронных

коммуникаций. У тебя что же, нет их телефона?

– Первым делом позвонил бы.

– Адрес?

– Только примерный. Город Пинск, многоэтажка напротив гостиницы рядом с вокзалом.

Алекс вздыхает.

– Ладно, придумаем, что можно сделать. Теперь скинем твоих собеседников специалистам, проверим номерки.

– Ночь ведь.

– И что?

Для Алекса и его команды это не проблема. Номера ушли в сеть.

Мат за окном становится более изысканным и почти культурным. Наверное, самосвал сменился.

– Есть ли враги или завистники, кто способен на такое? Даже по-другому спрошу: знаешь таких, у кого есть или мог найтись мотив?

До сих пор Кирилл не задумывался столь широко. Завистников всегда хватало. А врагов у него нет. Хотя...

– Конкуренты могли. Последнее время мы очень поднялись. Продажа жилья любым количеством площади, хоть по квадратному сантиметру, оказалась отличной идеей. Люди покупали квартиры маленькими частичками, им не приходилось копить деньги в банке, который мог бы лопнуть, или держать под подушкой, откуда могли украсть, или в валюте, которая могла как вырасти, так и упасть к моменту покуп-

ки жилья. Если возникали обстоятельства и человек отказывался от покупки, ему возвращали деньгами новую стоимость этих метров. Периодически стоимость недвижимости колеблется, но в долгосрочном плане стабильно растет, и направление, которого не было у конкурентов, себя полностью оправдало. – Кирилл на миг задумывается. – А еще... Помнишь, еще при тебе мы занялись переселением?

Агентство выявляло пенсионеров и алкоголиков, после подготовительной работы их выселяли в деревни в обмен на квартиры. Выискивали таких по базам данных полиции и служб социальной помощи, спрашивали по дворам, уговаривали, расписывали плюсы. Потом помогали с переездом, сами носили и расставляли мебель на новом месте. Доплачивали деньгами и водкой. И все равно оказывались в изрядном плюсе. Ради которого, собственно.

Директор тогда купил свою первую квартиру. Потом вторую, а Кирилл – первую и единственную, которая теперь осталась Кристине. Нынешняя квартира была не его, она досталась Алене от бабушки.

– Помню, – кивает Алекс. – Думаешь, ребенка похитили недовольные или с их подачи? Отыгаться решили?

– Если бы только ребенка...

Взгляд его тонет в законной мгле, плечи опускаются.

Растаявшее мороженное. Надо же так раскиснуть.

– К черту эмоции! Это война! Мне уйти? – Голос приятеля звенит на пороге грубости. По-другому никак. – Пересе-

ленные приходили с претензиями?

– Сначала многие. – Кирилл собирается с духом. – Потом перестали. Ездить дорого. – Он горько усмехается: – По-моему, им повезло – у конкурентов из «Провинции» прежние хозяева квартир просто исчезали. Сразу после передаточной подписи у нотариуса. И жаловаться потом некому. Мы же поступали по-человечески. И вот...

– Ясно, – резюмирует Алекс. – Надо поднять документацию, проверить всех.

– Маловероятно. Пенсионеры. Алкоголики. Не тот контингент.

– Ошибки в письме забыл?

Точно! Не дети, а эти! Очень даже.

– У кого-то могли объявиться несостоявшиеся наследники, которые обиделись на вашу деятельность. Сколько было таких сделок?

Кирилл задумывается.

– Всего – порядка двух десятков. За последний год только три.

– Начнем с них. За адресами нужно в офис?

– Нет, все в компьютере. Здесь.

– Включай. И дай все данные по конкурентам. Особенно меня интересует их начальство. Насколько я в курсе, директор «Провинции» с вашим часто пересекается и, несмотря на конкуренцию, их связывают дружба или некие пока неизвестные нам интересы.

– Откуда информация? Я работаю в фирме, но такого не слышал.

Алекс отмахивается:

– У нас недавно приглядывали по чьей-то просьбе за этой «Провинцией» – тамошние ребята нехорошо обошлись с человеком, у которого оказались связи. Подключили нас. Все закончилось миром, кто-то кому-то заплатил неустойку, а нам – процент и надбавку за накладные расходы. Лично я в деле не участвовал, только помог с обработкой записей. Машина главного из фирмы-конкурента периодически стояла в районе дома Горского, но не у ворот, а всегда где-то поблизости, словно встречи были тайными. Честно говоря, меня это удивило, потому и запомнилось. Вот и прошу вспомнить каждую мелочь, которая покажется подозрительной. Нам сейчас любая зацепка поможет.

Пока грузится компьютер, Алекс накидывает варианты:

– Как думаешь: не могли ли через тебя искать возможность надавить на директора? Эдакая многоходовка. У Горского имущества – с твоим несравнимо.

– Не знаю. Сейчас Владимир Терентьевич отсутствует по семейным обстоятельствам. Официально – уехал в командировку, но, говорят, с женой нелады. У него такое уже бывало. Оба остынут, и он вернется.

Алекс задумывается.

– Любовница тебе не могла такую свинью подложить?

– Какая?

– Какая-нибудь.

– Никаких любовниц. У меня Алена.

– А у Алены? – Алекс непреклонен.

– Что?

– Любовники.

Кириллу очень хочется заехать приятелю по серьезной физиономии.

– И не думай, – цедит он.

– Ладно, это направление по твоей просьбе списываем, – вычеркивает Алекс строчку у себя в уме, но вопросительный знак рядом явно оставляет. – Насчет Кристины. Она могла?

– Алену? – Череп Кирилла трещит и в нем что-то почти ощутимо лязгает. – Теоретически... да. Только теоретически. Но сына...

Это выше разума.

– У тебя два не связанных между собой эпизода. Не старайся найти одного виновного. Значит, могла?

– Говорю же: теоретически.

– Пишем «да». – Алекс делает в голове еще одну пометку.

Компьютер предлагает варианты искомого. Алекс скачивает необходимые данные на свой планшет.

– Что мне делать завтра? – На Кирилла жалко смотреть.

Он не трус, но. Потому что – не за себя.

– Бережь нервы. Выполнять все требования. Не нарываться. О деньгах не беспокойся, спонсирую из резервного фонда, потом вернешь. Можно не сразу. – Только что убранный

планшет призывно завибрировал, Алекс достал его и пересказал пришедшие по почте результаты запроса. – Телефон тех, которые звонили вам обоим, оформлен на фальшивый паспорт, сейчас не действует. Не обнаруживается даже с помощью специальной аппаратуры – да, мы имеем доступ.

– А другие номера?

В ответ – довольная ухмылка:

– С последним та же история. А вот неграмотные воспользовались номером, который зарегистрирован на недавно умершего пенсионера. Те, кто прислал СМС, выключили телефон после отправки сообщения и, видимо, думали, что концы в воду. Но только что в него опять вставили аккумулятор, и мы его засекали.

Алекс и Кирилл понимающе смотрят друг на друга.

Война началась.

– Только осторожно. – Боль в глазах Кирилла.

Сын. Алена.

– Конечно. – Алекс бесстрашен, но только внешне. Он сделает как надо. – Позвоню, – говорит он и поднимается.

Кирилл остается один.

Темнота. Пустота. Бездна.

И ма-аленький свет вдали...

Завтра.

гулявший потомок нашелся за это время. Ладно, попытка не пытка, рискнуть стоило.

Вернулись они с заветной емкостью. Ночной павильон был по пути, и они решили, что можно. Даже нужно. Пусть и с переплатой за неурочность.

Дэни направился в комнату, Ян – сразу на кухню, готовить теплый праздник на двоих. Возможно, последний праздник, прощальный в этом холодном городе.

Ян с сомнением поглядел на походные алюминиевые кружки. Других нет. Скоро будет все, на новом месте. А сейчас...

Сейчас взгляд остановился на соседских бокалах. Кухня-то общая. А, ладно, помоем, не заметят.

«Бульк-бульк-бульк...» – прозрачная радость. Хе-хе, он слышал, как забугорцы говорят «глоб-глоб». Впрочем...

Новые звуки перекатывались на языке, уже нывшем от обжигавшего предвкушения. Чужие бокалы случайно соприкоснулись... Уши наполнил божественный перезвон. Словно ангелы запели.

Ангельское пение не пропало втуне. Скрипнула кровать (стены – едва ли не из обычной фанеры), прошуршали шаги, дверца соседей ощерилась черным оскалом. Щель заполнила собой сонная Давыдиха, она затягивала пояс застиранного халата и щурилась от слепившей яркости кухни.

– Ребятки, вы чего тут?

«Ребятки». Яну двадцать четыре, Дэни на год моложе. Да-

выдыха на пару лет старше, вряд ли больше. В самом соку. Некоторая потасканность – не в счет, голод не тетка, Дэни и Ян второй месяц вдвоем живут. Так и просится на язык колкость про столичных «противных», тьфу-тьфу-тьфу, прости Господи. И второй месяц перед глазами подзуживающая эта – то в халате, то без. Ага. Когда обитаешь бок о бок, чего только не увидишь за семь недель – то в незакрытый проем, то в окошко с улицы. Этаж-то – один и низкий. Домику сто лет в обед. Шикарная баба. Слюнки текут. И незакрытый проем – всегда ли случайно? Черные, до плеч, кудри Яна и накачанный пресс давно заставляют Давыдиху сворачивать голову. Мужик у нее пьющий, жизнь тяжелая, а жить-то хочется каждому.

И как же мало нужно для счастья.

– На днях уезжаем. – Не собираясь извиняться за оприходованное имущество, Ян невозмутимо выставил на стол третий бокал, словно только того и ждал. – На прощание. – С размеренным бульканьем все стаканы наполнились доверху. – Присоединяйтесь. Нам будет приятно. Вы замечательная соседка и чудесная женщина.

Давыдиха раздумывала недолго. Ее взгляд застопорился на несущей акцизный шарфик спутнице бокалов. Расплывшаяся в талии бутылка и звенящие статью, полные жидкого огня бокалы на крепких ножках – волшебная компания унизить унылые будни. Женщина тщательно прикрыла за собой дверь в комнату, где урчал во сне довольный жизнью подда-

тый супруг, и заняла один из табуретов. Ребенок спал в третьей комнате. Обычно, после того как он утомится, про него можно забыть до утра. В данном случае означает нужно. Иначе – какой праздник? Дети и праздники несовместимы.

В комнате еще не разувшийся Дэни выложил разобранный телефон из промерзшей куртки на тумбочку и вернулся в прихожую. Когда он сменял теплые сапоги на потертые шлепанцы, два бокала уже поднялись.

– За прекрасных дам! – Ян убедителен как никогда. И, как показало обшарпанное зеркало, чертовски красив – даже на фоне отслаивавшихся обоев. А возможно, именно благодаря им – выгодно выделяя из окружающей мерзости, как алмаз из руды.

В ответ – благодарная и чуточку озорная улыбка пухлых губок.

163

Ян всегда нравился женщинам.

Дэни подмигивает приятелю. Тот играет в равнодушие. Но глаза смеются.

Дом сотрясается застенным храпом Давыдова. Отпустившие опустевшую посудину пухлые губки выпячиваются расстроенной уточкой, лицо с пренебрежением и едва ли не презрением глядит на закрытую дверь. Виноватое пожатие плеч под халатом обрисовывает положение: «А что делать? Жизнь

такая». С двери взгляд перетекает на мускулистый торс Яна.

Дэни вздыхает – приятель в этих делах всегда впереди.

– Жаль, что больше никогда вот так не увидимся... – Ян идет на штурм. Рука на коленку. Поглаживание. Глупое хихиканье и бархатный шепоток в ушко. Еще бокал. Проглотив содержимое как воду, Давыдиха поднимается, управляет полы развороченного халата и медленно идет к санузлу. У двери она беззастенчиво оглядывается на Яна, на его пресс и вороные кудри до плеч.

Ян тоже встает.

Дэни отворачивается и делает себе бутерброд.

162

Бутерброд съеден. Одинокий Дэни нетактично прислушивается ко всему, что не храп.

«Топ-топ». Дэни вскакивает – из разверзшейся соседской тьмы, держась за писюн, прошмыгивает в сторону занятого туалета мелкий Давыденоч.

Операция «Перехват» проходит успешно – крепкая рука мягко и уверенно разворачивает постреленка в сторону кухни.

– Я хочу пи-пи! – в соответствии с возрастом тупит несносный мальчишка.

– Там занято. – Дэни приставляет табурет вплотную к раковине, а мальчугана водружает сверху. – Здесь. Не стесняйся, все свои.

Ага. Теперь все свои. Почти.

Журчит ручеек, затем Колька заправляется в пижамку.

– А где мама?

– Скоро придет.

– Я к ней хочу. У меня живот болит.

По глазам видно – выдумал. Надо отвлечь. И увести, чтобы не видел, не слышал, не рассказал.

– Хочешь, настоящий кнут покажу?

Подарок деда. Единственная вещь, которая напоминает о прошлом.

– Очень! – прыгает мелкое чудовище от удовольствия.

– Пойдем.

В комнате бардак. Дэни ищет везде, затем лезет под кровать. И что бы не сложить все как надо? Женщины не хватает.

Не хватает. Он скрипит зубами, представляя удачливового приятеля. Наконец, ладонь нащупывает то, что нужно – сплетенную из кожи длинную «змею».

За дверью слышна возбужденная возня, появляется веселый Ян:

– Надо бы еще за одной сбежать...

– Дядя Денис, дядя Иван, я вам телефон починил! – радостно сообщает оставленный без внимания монстр. – Он был сломан на кусочки, а я взял и собрал!

Колька сияет. Дэни и Ян переглядываются.

Ян реагирует первым. Он открывает окно и забрасыва-

ет выхваченную у мальчишки черную коробочку как можно дальше в соседский двор. Ян и Дэни глядят на мерзкого Давыденка – убили бы. Тот с воем выносится вон в объятия раскрасневшейся Давыдихи.

Ян быстро собирает вещи. Нужное-ненужное, лишнее-полезное. Одно в сумку, остальное в угол.

Отдохнули.

161

Она пристально разглядывает Алену – чересчур покрашенная женщина в густом рыжем парике и очках. Алена приходит в себя. Женщина надевает маску.

– Где я? Кто вы? Что вам нужно?

Молчание. Высокомерная ухмылка. Люк захлопывается.

160

Глаза Дэни сосредоточились на проделанной пальцем амбразуре оконного узора. Деревянные окна – наследие предков. Когда он купит себе дом... Да, пластик и только пластик. Экология? Домыслы. Технология.

От красивой растительности инея веет скорыми неприятностями. Почему Ян тогда его не послушал...

Это было два месяца назад:

– Вот. – Палец Яна указал на люксовый кроссовер с хитрыми номерами.

Заказ был именно на такой. Но номера...

– Уверен?

– Другого нет, а клиенты ждут.

Внутренний голос Дэни молил: не надо трогать машину с такой комбинацией цифр и букв. В этом городе, как и в большинстве других, любая собака знает людей, связываться с которыми себе дороже.

Яну наплевать. Они и так потеряли несусветное количество времени, пока искали вариант лучше. Сейчас все необходимое с собой, а нужная машина – в тени и вне зоны действия камер наблюдения.

– Давай, – сказал тогда Ян, оставаясь на стреме.

Дэни взобрался на капот, втянул наверх тяжелую железяку, примерился... Схему он помнил и нужное место видел как нарисованным. Только бы хозяин не перестраховался с автономкой...

Сейчас все помешаны на электронике. Но против лома, как известно, нет приема, от грубой силы никакая электроника не спасет. Удар лома прошил капот, как бумагу, и обрушился на аккумулятор. Сигнализация лишних примочек не имела и сдохла, едва пискнув. Йес!

– Отлично. – Нарисовавшийся рядом Ян принялся за дверцу.

Дэни притащил оставленный невдалеке небольшой аккумулятор, с которым пришлось переться из временно снятого дома целых четыре квартала. И с ломом.

Зато все получилось с первого раза.

Ян завел двигатель, открылась дверца пассажира:

– Прыгай!

Сначала в мастерскую. Сенька их ждал. Перебивка одной цифры в номере – дело плевое. Больше не нужно, если есть связи. У клиента есть.

Встретились в обусловленном месте. Осмотр длился недолго. За дыру в капоте немного скинули, высокопоставленный клиент выглядел довольным и спокойно отслюнявил сорок три сотенных. Однако, вмешалась судьба. Интуиция Дэни не подкачала.

Едва передав деньги, клиент поднес к уху заверещавшую трубку. Глаза стали тазиками.

– Куски идиотов, вы у кого машину взяли?!

Уходящий в инфразвук вопль и брызги слюны...

Конца случившегося концерта приятели не слышали, они уже работали ногами не за жизнь, а на совесть, в существование которой давно не верили, как в деда Мороза.

За проявленное неуважение местный авторитет Сыч открыл на них охоту. С тех пор они сидели взаперти, откуда выбирались изредка, в надежде на мороз – поди опознай фу-фаисто-ушанистый мешок, что пробежал за хлебцем. Иногородние родичи в это время готовили пути отступления – как с возможностью весьма затратного примирения, так и без. Еще бы чуть-чуть...

У соседского дома мелькнули фары.

– Вроде бы все собрал, – сказал сзади Ян. – Уходим.

Дэни подхватил одну из набитых сумок, но дверь уже распахивалась с другой стороны. Грохот, лязг, брань...

159

Алекс работал. Ночь, не ночь – неважно. Он подключился к полицейской базе данных и просматривал записи с камер наблюдения на двух перекрестках, куда можно выехать от дома Кирилла. Влево и вправо. Семнадцать тридцать. Плюс пять минут – если часы Кирилла немного спешат или отстают. Девяностопроцентная уверенность, что в одной из движущихся машин – Алена. В халате и тапочках.

Планшетник заполняется данными. Вскоре номера обретут фамилии и адреса. Позже это все пригодится – когда обрисуются другие ниточки.

Алекс сидит в офисе. Он только что вернулся. Ян и Дэни теперь в подвале, спеленутые как полагается. Оказалось, их телефон, которым он заинтересовался с подачи Кирилла, давно поставлен на пеленгацию, и оба находились в разработке у Камбалы. Игнат по кличке Камбала – бригадир параллельного направления. Алекс у Сыча занимался борьбой с несправедливостью в пользу обиженных, Камбала – в пользу босса. Каждый прекрасно делал свое дело, контора процветала.

Яна и Дэни, или просто цыган, как называли эту парочку, парни Камбалы слегка «покоцали» при штурме тайного местопребывания. Алекс прибавил к другим вопросам и свой.

Цыганы ни от чего не отпирались, они сообщили, что услышали от соседей о пропаже пацаненка и решили подзаработать. Где находится ребенок – не знают, просто хотели дуром срубить денег.

Больше эти персонажи Алексу не интересны. Сами выбрали судьбу. Дальше ими займется Сыч.

Сыч, он же Борис Борисович, он же босс. Однажды Борис Борисович вытащил Алекса из тюрьмы, куда тот попал из-за упорного желания поступать по совести. Тот же Борис Борисович предложил работу, где представились невообразимые возможности. Еще бы. Частная фирма, которую в городе по старинке называли не иначе, как конторой, была особенной. Одни ее уважали, другие не любили, третьи всеми путями сторонились. И все боялись.

Контору организовали крутые бизнесмены с бандитским прошлым и не только прошлым. Они стригли купюры на всех фронтах пограничного мира между законным и не очень. Они сумели стать лучшими, потеснив или уничтожив недовольных. В современных реалиях они могли практически все.

Поэтому Алекс сегодня с ними.

Папка по Кириллу полнится адресами его коллег, бывших друзей, соратников и соперников. На этот час сам Кирилл знает о себе меньше, чем планшет Алекса. Начинается работа по расстановке приоритетов.

Начинать надо с главного: кому выгодно?

В отношении пропажи невесты Кирилла основной подозреваемый пока – бывшая супруга. Основной, но не единственный. Что ж, у Алекса есть возможности, и он их использует. Задействует всех, кого можно и нельзя. Он знает, что значит терять.

После дорожных камер и сбора адресов приходит время пробивки по прочим базам. Проверяя адрес и сводки, Алекс неожиданно улыбается. Надо же, как раз вчера. Случайность? Везение? Везет тому, кто везет.

Был вызов. Старший наряда – старший лейтенант Добрунин.

Добрунин, оказывается, еще на дежурстве. Хорошо. Алекс соединяется с отделением.

– От Бориса Борисовича. Добрунина, пожалуйста.

158

Поговорили. Интересная ситуация. Камера на кровати. Разные версии произошедшего. Видимость примирения сторон.

Алекс сверяется с полученной от дежурного предварительной информацией.

– Александр Петрович, анкетными данными тех блондина и брюнета не поделитесь? Сугубо приватно. Знаете же, за нами не заржавеет.

Добрунин хмурится, отчего выглядит на экране монитора еще полнее, чем на деле. Обычные полицейские не любят

ребят Сычевской конторы, с чьим боссом их прямое начальство в одни бани ходит. Причем, одновременно, что умного человека наводит на некоторые мыслишки.

– Пиши, – кривится старший лейтенант, но диктует.

– Напоследок. Что можете сказать о хозяйке? – Вопрос в лоб: – Врала?

Лоб под служебной ушанкой изображает задумчивость:

– Если только чуть-чуть. Эти двое вели себя так грубо...

Не забыв поблагодарить, Алекс отключается.

Внешне похоже на шантаж, но тогда зачем баламутить покровителей и вызывать полицию? Была ли перед этим попытка договориться? Не удалась?

Ключи к пониманию – те два мужчины и что-куда-зачем транслировала камера.

Алекс выпрыгивает в холод к автомобилю. В голове – планы и версии, в руках – планшет, по электронке обеспечивающий задачами всю сонную рать. Кириллу будет интересно узнать, чем промышляет его бывшая. Впрочем, если к похищениям она не причастна, то не обязательно.

Справедливость.

Часть 2. Суббота, утро

Картинки быстро сменяются. Так и положено, закон жанра.

Голос певца красив и роскошен, он волнует, втекая внутрь глубоким ярким потоком и отдаваясь в животе и груди легкой вибрацией. Слова о великой любви рвут сердце...

157

«Вращ» – это смесь врача (учился на медицинском, когда загремел) и извращенца. По сто тридцать первой, будь неладна. По статье и масть. Руки никто не подаст – запахло. Но услугами с удовольствием пользуются. На воле снял трешку, нашел трех потрепанных мочалок и окунулся в новый для себя мир частного предпринимательства.

Алена, блин. Она же Елена. Давно ли была Эсмеральдой? Почти месяц у него жила.

Красавица. Женственная умница. В то время – годков восемнадцати. Шла по улице, не обращала внимания на отпихивание прохожими. Едва не попала под машину. У Враща тогда была машина. Он сам свернул к торкнутой с виду девице, интуиция подсказала: вон оно. Твое. Бери.

Он взял. Назвал Эсмеральдой. Девушка не возражала. Она вообще была не в себе. Как многие, приехала в столицу учиться, жила в общежитии. Там ее и... Нет, не наркотики. За-

пугали так, что ни о каких заявлениях не думала. Думала о самоубийстве. Врац подобрал ее, привел «домой», сказал:

– Жить будешь здесь.

– Не хочу жить.

– Нужно, – сказал он, наливая чай.

Она познакомилась с товарками. Лиана, Изольда, Нателла. Толстеющие дурнушки. А Эсмеральда – расцветающий бутон. Удача, которую Врац ждал столько лет.

– Не вздумай! – говорили ей новые подружки. – Бог не принимает самоубийц.

Девушка смотрела на них грустными и внешне наивными глазами мудрого будды:

– Божий сын сам пошел на крест?

– Сам.

– Мог не идти?

– Мог.

– Ну и?

Если девицы работают телом, а не головой, то с логикой и, тем более, с системным мышлением у них однозначно не очень, и никто не возразил. Для них и Гастелло с Матросовым – типичные самоубийцы.

Алену-Эсмеральду оставили в покое. Но работать, когда оклемалась, заставили. Постель и еда не бесплатны.

Врацу повезло, что ей было все равно. Некоторое время. То есть, только первый раз. Она сразу попыталась сбежать. Но – куда? Документы из универа он помог ей забрать и дер-

жал у себя – как раз на такой случай.

Потом был «субботник» – бесплатная акция для тех, кто выше. Какая разница, в кожанках ребята или мундирах, крыша важна любая. Эсмеральда была красивейшей, ее и заказали.

А Врац ее не уберег. После субботника, когда от безвольного-бездушного тела никаких подвигов не ждали, оно – почти не подававшее признаков жизни тело – сумело-таки исчезнуть. Крышевики чуть шкуру с Враца не спустили. Алмаз. Не каждый день такие. Но – как в воду. Клиенты, наслышанные о новом приобретении Враца, тоже были недовольны. Ожидая девочек, он по возможности интересовался у администраторов и портье, кто из клиентов кто и откуда. В его деле излишняя информированность излишней не бывает, иногда возникали проблемы, их требовалось решать. А знания, как известно, – сила. Из этого города, куда занесли судьба и необходимость, помимо непонятных личностей бывали полицейские, причем не последнего пошиба, а также юристы, риэлторы, бизнесмены...

Эсмеральда как сквозь землю провалилась. Никаких следов.

И вот, объявилась. Алена. Агеенко. По мужу. Бывшему, кля. Толян нормальным мужиком оказался, калач тертый, своего не упустит. Кратенько выслушал, быстро объяснил на пальцах, что к чему, и бескровно отправил восвояси. Драть бабки, дескать, теперь с нового муженька надо. Хорошо, что

денег не взял за совет и информацию. А мог бы – со ствол-то против ничего.

Кутаясь в куцый воротник, Врац посмеялся над блином комом. С этим адресочком, подобранным неким доброжелателем, он, конечно, лажанулся. Урок на будущее: проверяй и перепроверяй, слово не воробей, вылетишь и огребешь.

Вчера он вернулся в гостиницу, отдохнул, согрелся. Идти к Кириллу среди ночи не стоило. Взять тепленькими утром – в самый раз.

Вот и утро. Люди торопятся на работу, общественный транспорт забит до отказа, зато внутри автобуса тепло. А снаружи холодно. Но вскоре все изменится. Не для природы, естественно, а конкретно для Враца.

В данную счастливую минуту он приближался к конечной станции вояжа. Нашел. Вот эта улица, вот этот дом, вон и подъезд, где ему денег дадут. Обязаны дать, или он ничего не понимает в жизни. А главное – это последний шанс снова встать на ноги. Последнее средство. Он будет последним кретином, если не выжмет из ситуации возможное и невозможное.

Терять нечего. Нателла и Изольда живут под кайфом, за полчаса проживают целую жизнь и лежат бездыханными, хоть режь их, хоть ешь. Реал – тоскливый зал ожидания. Ничего им больше не нужно. Превратились в чучела. Зомби человекообразные. Гнусные орки. За таких никто не заплатит. А Лиана обрюзгла, теперь даже пьяные отказывают-

ся. В общем, пришлось закрыться, отстегивать крыше стало нечем. Прошлое Елены-Алены-ака-Эсмеральды – единственный оставшийся актив.

Ждать, пока откроется подъездная дверь, пришлось недолго. Вращ вдохнул затхло-теплого, по сравнению с внешним морозным, воздуха. Проверил в кармане наличие фотографий очаровательной беглянки. Повторил про себя: не забыть сказать про копии, которые увидят свет, если новый муженек окажется столь же бойким, как прежний.

Вращ нажал кнопку звонка.

Лучше бы она, Эсмеральда. То есть, Алена, которой есть за что платить, чтобы забыть Эсмеральду.

– Кто? – раздалось очень быстро.

Мужской. Что ж.

– Кирилл? – Вращ готов разговаривать с ним тоже. В принципе, этот даже больше отвалит, если судить по рассказу Агеенко.

Риэлтор. По слухам, от бывшей супруги откупился как миллионер.

– Кто это? – Дверь не думала отворяться.

Не привыкать.

– Информация про Алену Агеенко. Готов уступить по сходной цене.

Он улыбался. Жизнь налаживалась.

Дверь отворилась мгновенно.

Суббота. Она обожала выходные. И мороз кажется не таким кусачим, и ветер не столь пронизывающим. И ярче, и светлее. И на душе.

Опять все прошло без сучка. Скоро она отомстит и Кириллу. Ох, как отомстит. Ох, как скоро...

Захотелось поделиться. Кристина набрала новую подругу:

– Лиза?

– Прости, сейчас не могу. Полиция.

– Где?

– У нас. В офисе.

– Сегодня выходной!

– Пришлось. С ними не поспоришь. Перезвони позже.

– Подожди, два слова. Как с Кириллом?

– Никак.

– Но ты...

– Стараюсь.

Кристина недовольно отбросила телефон в ноги и закрылась одеялом по самый подбородок. Малявка. Неумеха. Внешность Бог дал, а пользоваться – нет.

Рука под одеялом наткнулась на что-то. Вскрик перетек в корявую гримасу – палец укололся об острие маникюрных ножничек. Так и лежали в постели всю ночь? Хорошо же спала.

Ножнички отправились вон. Вчера ими упаковку надрезали. Кристину передернуло.

А Кирилл не дается. Ни этой дуре Лизке, ни неотразимой чаровнице Розе, которая тоже подкатывала. «Чай, кофе, потанцуем» – не его вариант. Нужно как-то по-особенному. Алена же смогла.

Кристина начинает жалеть себя. Брошенка. Одинокая с ребенком. Кирилл – урод. Нашел себе смазливую птаху перепончатую. Воспользовался, что жена с сыном на месяц уехали.

Воспоминания о той поездке направляют мысли в приятную сторону. Спортсмен был неплох. Когда надо, с Павликом сидела наемная няня, а ночью...

Сладкая картинка разлетается в клочья от дребезга вибрирующего в ногах мобильного. Рука, высунутая сбоку, ловит его, ухоженный пальчик проводит по экрану.

– Привет, – говорит кто-то.

– Аналогично, – настороженно отвечает Кристина.

Голос мужской, вроде бы незнакомый. Номер тоже.

– Это Леонид. Однажды пересекались в фирме, где твой муж работал.

– Муж? Мы развелись.

– Знаю.

Леонид? Вспомнила. Симпатичный ловелас, приятный собутыльник. Как-то раз Кристина была у них на корпоративе. Еще там был такой Алекс – нелюдимый статный красавчик. Кажется, женатый, на нее даже не посмотрел. Еще – Владимир Терентьевич Горский, их босс. Этот погляды-

вал масляно. Но на нем жена висела и, говорят, дома ждали несколько наструганных спиногрызов. Не ее вариант.

– Прости, что звоню, но, надеюсь, побеспокоил не зря. Ты в курсе, что в наше захолустье лучший голос страны приезжает?

– Ну? – начинает догадываться Кристина.

Этот певец ей нравится, и даже не из-за голоса. Мало ли, что о нем говорят. За него говорят песни. Правда, сейчас в Москве гастролирует ее любимый хрипатый итальянец, за приглашение на которого она душу бы продала...

– Достал два билета на дневной концерт, три месяца назад, когда только объявили, а с подругой вчера разбежался.

– С которой по счету за эти три месяца? – Кристина смеется. Она помнит непостоянство звонящего.

– Ты права, – унылый смех в ответ. – С очередной. – Настороженная пауза: – Не составишь компанию? Обещаю вести себя прилично.

Лицо Кристины светлеет:

– Не пропадать же билетам.

155

Утро вышло кошмарнее, чем он думал.

В шесть Алекс вырвал из пожиравших видений неожиданным звонком.

– Неграмотных скидываем со счетов, – звучит из телефона.

– Взяли?

– Случайные люди. Сейчас меня интересует прошлое твоих жен. Начни с Алены.

Кирилл садится на постели и сосредотачивается.

– Приезжая. Родители остались в Пинске.

– Кстати, разыскали их. О дочке не слышали с ее отъезда в Россию. О тебе тем более. Пьют страшно.

Неверие Кирилла, видимо, заметно по тишине или передается напрямую по телефону: «Как узнал?..»

– Пришлось просить смежные структуры. – Алекс правильно истолковал молчание. – Если Алена там появится, мне сообщат. Теперь вопрос: почему она приехала именно сюда?

– Думаю, что в связи с замужеством. Она не любила говорить о прошлом.

Кирилл никогда не расспрашивал ее на эту тему. Приехала и приехала. Для него главное, что они встретились.

Для Алекса главное все. Он идет дальше:

– Как познакомились?

– Первый раз увиделись на праздновании дня рождения генерального директора. Бывший муж Алены – его приятель.

– Как ты увел ее?

В душе Кирилла поднимается возмущение.

– Не уводил. Так получилось. Судьба.

Алекс хмыкает и интересуется дальше:

– Все о ее подругах: имена, адреса, телефоны...

– Собственно... – Кирилл умолкает.

Собеседник настораживается:

– Что?

– У нее нет подруг.

– И на работе?

– Она технолог на химзаводе. В цеху работают в основном мужики в возрасте и бабульки пенсионных лет.

– «В основном»? – цепляется Алекс.

– Сначала она работала упаковщицей, пока универ заочно закоанчивала. Там много студенток подрабатывало. Некоторые потом на заводе остались, в разных отделах. Я никогда не слышал, чтобы Алена поддерживала с ними отношения.

Прикидывая возможный объем работы, Алекс долго о чем-то размышляет.

– Хорошо, – произносит он, наконец. – Теперь про Кристину. Откуда родом?

– Местная.

– Кем и где работает?

– Мужской мастер в «Королеве Роз».

Алекс не в курсе.

– Элитный салон красоты, – поясняет Кирилл.

– Насколько знакома с компьютером?

– Она? – Ехидный хохот сам по себе ответ. – Нисколько.

Не знает, где включается и зачем нужен.

– Мне кажется, твои знания устарели или неверны изначально. Впрочем, даже медведей учат кататься на мотоцик-

лах. Идем дальше. Подруги?

В отношении Кристины Кирилл уверен:

– Только одна, да и то... Не подруга, а так, знакомая. Наташа с моей работы. Еще, насколько я знаю, Кристина общается с Лизой. Наташа у нас – бухгалтер-кассир, Лиза – агент.

Наташу Алекс должен помнить, она пришла еще в бытность его сотрудником «Риэлтинга».

– После вашего развода чью сторону они приняли?

– Ничью.

– Кристину жалели?

– Ну... – Пожатие плеч.

– Тебя поздравляли искренне?

– Не знаю. Одновременно поддерживали ее и радовались за меня, никаких других чувств внешне не выказывали.

Если не считать, что потихоньку поглядывали с вечным интересом, думает Кирилл. Но вслух не говорит.

– Еще подруги? Школьные, институтские, по работе.

– Кристина меня ревновала ко всем, а к подругам особенно. Прежние связи оборвала. Новых не завела.

– А на ее работе?

– Там такое осиное гнездо... Все друг друга подсиживают. Дружбой не пахнет.

– Любовники?

Кирилл на время примолкает.

– Скорее всего, были. Сначала я не знал, а потом, когда встретил Алену, меня это не интересовало.

Не успевает он отключиться, как телефон вновь незнакомо орет дурным голосом. Номер не определился.

– Матвеев? Из полиции беспокоят, капитан Бражинский.

Всколыхнулось: неужели нашли?! Неважно кого – Алену, Павлика. Обоих. Хотя бы одного. Пусть не заявлял, но вдруг...

– По поводу вашей работы. – На миг зависнув в апогее, счастливая волна опадает в бездну протокола. – Можете через час подъехать в офис?

Наворачиваются слезы. Размечтался.

– Понимаем, что суббота, но – дела. – Капитан убедителен.

– Буду. – Кирилл снова вздыхает.

В дверь раздается звонок. Опять новости? Кирилл в два прыжка оказывается рядом и кричит сквозь дверь, стоя в одних трусах и прислушиваясь:

– Кто это?

Ангел небесный:

– Информация про Алену Агеенко. Готов уступить по сходной цене.

Кирилл не раздумывает – незачем. Распахивает:

– Ну?

Хлипкий хлыщ неопределенного возраста. Озирается.

Кирилл отступает вбок, к висящему на вешалке плащу. Рука машинально ныряет вглубь.

– Проходи.

– Как скажешь, хозяин, – опасливо скалится незнакомец.

154

Вот и поговорили.

Дурак он – и сегодня, и всегда был. Считал Елену-Алену своей удачей. Типа, с нее начался его взлет. Хрен. Она – его погибель. Как раньше не догадался. Знаки долларов в глазах мешали, словно картинки в одноруком бандите.

С нее началось его падение. Жил себе спокойно, имел небольшой стабильный доход. Клиентура не жаловалась. И вот, блин, – Елена Прекрасная...

Врач морщится и потирает пальцы связанных рук. Не подбери он тогда бедовую девку, не растерял бы клиентов – они получили возможность выбора и, само собой, захотели большего. И не испортил бы связей. Не отдал бы последние деньги за подкинутый лукавым адрес чертовой Эсмеральды и не поехал в этот дрянной городишко. Не попал бы сначала под ствол пистолета, а теперь под увесистую биту. Едва только заикнулся: «Ну, хозяин, сколько готов выложить за свою ненаглядную?..»

Кто же знал, что тот на пределе и собой не владеет? Пришлось рассказать просто так. Град ударов заставил визжать и ползать, тщетно уклоняясь от свистевшего ужаса. Бита едва не сломалась, вот как. Затем новый муж роковой Эсмеральды связал ему руки и усадил перед собой в кресло.

– Где она сейчас?

– Откуда я знаю?!

– Ты сказал, что есть информация.

– Это и была информация!

Хозяин не понял.

– Это все, что ты пришел сказать? – сокрушенно выдохнул он и уронил, наконец, опущенную, но остававшуюся в руках битку. – Про ее прошлое? То есть, ты не знаешь...

– Я все объяснил, все рассказал! Отпусти меня, ну пожалуйста!.. – Не проста, оказывается, продажа информации. Нет, не для него такая работа. Занимался бы тем, что умеет, никого не трогал – и его бы не тронули. На фига он сюда поперся? Выйти бы теперь живым...

«Тук-тук», – в дверь, осторожно, почти испуганно. Оба, хозяин с потерянным взглядом и избитый гость, вздрогнули и обернулись.

153

«Тук-тук», – еще раз.

Приложив палец к губам (связанный незнакомец в ответ быстро-быстро закивал), Кирилл открывает.

Мальчик. Школьник, класс примерно пятый. Припоминается: сегодня встречались в одной из квартир во время опроса. Тогда Кирилл был вне себя, помнит плохо. Наверное, с верхнего этажа.

– Дядя Кирилл, вы были у нас вечером, помните?

– Да.

– Папа сказал, что вам надо посмотреть.

Мальчик протягивает бумажку и убегает. Разворачивая и вчитываясь в иностранные буквы, Кирилл чувствует в глубине квартиры движение, оттуда ударяет ледяная волна.

152

Врац не упустил момента. Хватит с него приключений. Хватит гоняться за злым гением в прелестном обличье, от него одни неприятности. Едва хозяин отвлекся, Врац подскочил к окну, связанными руками рванул ручку вниз и на себя. И – вперед, в жуткий холод.

Второй этаж. Внизу снег, не страшно. Шапка осталась в квартире. Плевать.

Жив. Свободен. Что еще нужно для счастья? Улыбаясь разбитым ртом и истерически хохоча, Врац понесся по улице. Жизнь!

Домой. В столицу. Там он знает, с кем и как. Здесь, в этом проклятом занюханном городишке, пусть сами разбираются со своими заморочками. Он в их игры больше не игрок.

151

На бумажке – интернет-адрес. Линк на известный портал, отстойник самопальных видеороликов.

Срочно к компьютеру. Но сначала окно: ага, беглец цел, почти невредим и быстро удаляется. Скатертью дорога. Кирилл закрыл окно.

Теперь главное. Буквы и символы вбиваются в адресную строку. И...

«Похищение?» – называется ролик.

Боже. Она. Любимая. Как и высчитал Кирилл, в халате и тапочках. Выскакивает из подъезда на лютый мороз. Вид немного сверху – снимал кто-то с балкона. Соседний подъезд, этаж примерно пятый-шестой.

Алена склоняется к открывшейся дверце машины и будто бы падает в нее, исчезает внутри. Дверца захлопывается, машина рвет с места. При отъезде видно, что номеров нет. Все.

Комментарии (с исправленной лексикой):

«Не завидую. Моржиха что ли? Смотреть холодно!»

«А вдруг реально похитили?»

«Сбежала от мужа!»

«От любовника! Муж вернулся, пришлось драпать в чем мать родила – в такси...»

«Жаль не я тот таксист».

«Ко мне тоже однажды такая краля ввалилась...»

«А ко мне пока нет. Не отказался бы».

«Приспичило-то – на первого встречного мужика кинулась».

«Наверное, кавалер сказал, что без бутылки не будет, вот и ломанулась в киоск».

«Резинка срочно понадобилась, попросила до аптеки подкинуть».

«Что вы, она просто время спросить вышла. А у того ча-

сов с собой не оказалось. Сказал, что знает, где есть, она и поехала».

Бред. Невидимый кинжал под ложечку. Виски в тисках – кто-то усиленно закручивает ручку. Боль.

Кирилл пересматривает снова и снова. Алена, дверца, машина. Выскочила, склонилась, исчезла. Раз за разом.

Ничего нового. Кто за рулем – скрыто. Единственное, что дает запись – вид машины без номеров. И ее марку.

Машина, проглотившая Алену – «Бумер»-пятерка. Цвет не разберешь, просто темный. Таких полгорода, весь бизнес и администрация. Да и кто в здравом уме на дело свою погонит?

Кирилл не верит, что Алена села туда сама. Не хочет и не может верить. Видно же. Компьютерная мышь опять давит по запуску ролика: ведь не сама? Точно не сама?

Опомнившись, Кирилл набирает Алекса:

– У меня новости. Сейчас сброшу ссылку.

150

Непомерно большой апельсин балансирует над кронами деревьев, взбираясь на небо осторожно и муторно-медленно. В морозном тумане на него можно смотреть не шурясь.

Красота пейзажа Алекса не впечатляет, не до того. За истекшее время он успел многое. Начать с того, что отчитался перед Кириллом о проделанной работе (человек на грани, нужно понимать), затем разыскал оказавшихся уже не дома

бесславно, зато бесплатно отпущенных блондина с брюнетом. Алекс представился частным детективом, которого нанял клиент, попавший в похожую передрагу с не столь благоприятным финалом.

Узнать удалось немало. Кино оказалось двухсерийным, а финал – вовсе не благоприятным, о чем полиция пока не в курсе. И вряд ли ее известят. Денег Кристина действительно не взяла, но показала запись вчерашнего «срочного совещания» благоверным обоим жизнелюбов. Скандал, ругань, угроза развода. Ничего хорошего.

– Сама показала?! Среди ночи, сразу обеим, в разных частях города? – уточнял Алекс.

– Не интересовались. И какая разница?

Разница имелась. Насторожила еще одна подробность.

– Вы же сказали, что в компьютере следов записи или трансляции не обнаружили?

Блондин:

– Их там не было. Точно. Я разбираюсь.

– Как же?

Пожатие плеч:

– Успела стереть.

Алекс кивает. В планшете появляется заметка: «Кристина действовала не одна». Сразу – звонок своему основному напарнику Леониду. Быстро несколько слов.

Не успел отключиться – Кирилл на проводе.

– У меня новости, – говорит приятель. – Сейчас сброшу

ссылку.

149

– Принес мальчик из квартиры, которую я вчера опрашивал, – объясняет Кирилл. – Сказал мне, что папа случайно нашел.

– Случайно ли?

– Думаю, да.

– Снимали они?

– Нет, из другого подъезда.

– Автора записи найти сможешь?

– Займусь сейчас же.

Нажав «отбой», Кирилл вспоминает, что забыл рассказать про визит столичного горе-шантажиста. И черт с ним. Неприятно узнавать такое. Лучше бы и не знать. Боль в сердце усиливается.

Ох, Аленушка...

148

У Алекса не умолкает телефон. Отчеты и распоряжения следуют одно за другим. Выкроив паузу, Алекс открывает спутниковую карту и укрупняет местность. Нашел. Если от Кирилла свернуть в гаражи, там можно остановиться и прикрутить номера на место, дело двух минут.

Итак, «БМВ» пятой серии. Запись с правого перекрестка в пять тридцать пять показывает знакомую машину. С номе-

рами. Значит, теперь есть фамилия и адрес владельца.

Алекс приблизил изображение. За рулем мужчина, рядом женщина, которая вполне может оказаться Аленой – разглядеть лучше не позволяет качество записи.

Первая ниточка. Главное – дернуть за нее правильно, чтобы не порвалась.

На всякий случай Алекс поглядел и левый перекресток.

Черт. Еще одна «БМВ-5». На передних сиденьях – две женщины, и каждая похожа на пропавшую.

Набрав номера обоих автомобилей в базе данных, Алекс получил ответ. Удивленный взлет бровей сменился довольной улыбкой.

147

Тусклая лампочка без абажура. Масляный обогреватель, короткий шнур которого уходит в стену безо всяких вилок-розеток. Прибитый к полу деревянный стол с куском клеенки. Деревянный же сундук с матрасом и подушкой поверху. Два ведра: одно с водой, другое пустое. Все. Ни окна, ни двери. Только голые стены из бетона и сверху наглухо задраенный люк, до которого не допрыгнуть. Под самым потолком виднеется закрытое решеткой отверстие вентиляции, но в нем смысла мало: вытяжка без притока воздуха – почти фикция. Впрочем, лучше, чем ничего.

Наверное, утро. Неизвестно. Как и вчера, когда Алена очнулась, женщина в маске принесла еды – спустила через люк

на веревке. Миска с кашей, пластиковая ложка, кусок хлеба, теплый чай. Чай, а не вода. Боятся, что заболит? Значит, она – товар.

В заторможенном мозгу вспыхивает недавняя картинка, последняя цветная:

– Сюда! – Голос натужно надтреснут, словно его изменили нарочно. Теперь понятно – чтобы не опознала. Если подумать, то это хороший признак. Добившись своего – отпустят.

Только... добившись чего?

Дверца автомобиля распахивается. Разгоряченная после пробежки, зябко дергаясь от ужалившей воздушно-ледяной ванны, Алена нагибается, чтобы спросить...

Крепкая рука втягивает ее внутрь, вторая угощает чем-то предельно едким, вроде хлороформа. Отключка. Потом, возможно, вкололи что-то. Очнулась она здесь, в глухой узкой камере.

Ночью не замерзла. Клетушка настолько мала, что мощность электрообогревателя можно бы даже убавить, но регулировки отсутствуют. Отключить тоже нельзя. Ну, если только с силой выдернуть шнур из стены. Но лучше жара, чем холод.

Из вещей у нее только халат. Когда спала, он служил одеялом. Под халатом, как назло, совсем ничего – не об одежде она думала, когда бежала на улицу.

В отношении удобств здесь туговато. Делать нечего. Пришлось. Зато полегчало. Теперь одно ведро прикрыто клеен-

кой. Стол остался без скатерти.

Жара нарастает. Халат сброшен. Он вернется на плечи, когда сверху послышатся звуки.

Клеенка с ролью крышки не справляется, запах из ведра мешает думать. Неужели придется есть во всем этом?

Лучше думать о чем-нибудь другом.

Женщина. Интересно, это она была за рулем? Маска и парик другие. Похитивший ее водитель был плотнее, и голос был грубым, сиплым, низким. Впрочем, если поверх нескольких свитеров надеть пуховую куртку...

Наверху шаги. Халат мгновенно облек плечи и стянулся на обхваченном руками поясе.

Ожидание ничего не дало. Показалось.

Или не показалось?

146

Скользкий по экрану палец находит среди новой информации нужный номер и набирает бывшего супруга Алены.

– Господин Агеенко? Детектив Алекс Акимов, охранное агентство «Страж». Извините за беспокойство, я занимаюсь разработкой Кирилла Матвеева, о котором вы должны быть наслышаны.

Собеседник сопит. Наслышан.

– Что еще натворил этот подонок? – прилетает, наконец, с неудовольствием.

Вот как. Любопытно.

– А что он натворил до того? – мгновенно интересуется Алекс.

– Мало ли.

Не очень разговорчивый субъект. Или тема неприятна. Лучше говорить, глядя в глаза.

– Мы можем встретиться? – просит Алекс.

– Давайте. Как у всех нормальных людей, у меня сегодня выходной.

145

Потрескивают на морозе бенгальские огни утренних троллейбусов. Отфыркиваясь снежными брызгами, любимое полноприводное чудо Алекса причаливает к нужному адресу. И как он раньше жил без машины?

Подъезд, домофон, лифт. Агеенко встретил в дверях.

– Анатолий?

– Алекс?

Краткое рукопожатие до легкого хруста, словно выяснение, кто главнее. Убедившись, что противник сдаваться не собирается, они улыбаются друг другу. Дверь перед гостем распаивается сильнее.

У Анатолия неуютно. Чувствуется, что в доме нет женщины. Постоянной. Или желающей чувствовать себя хозяйкой.

Агеенко откидывает с кресла спортивные штаны, предлагает сесть, а сам, сложив руки на груди, располагается напротив:

– Интересуетесь Кириллом?

– Очень. – Искренность в глазах. – И его будущей женой.

Извините, если напоминаю о неприятном.

– Да ладно, какое там.– Агеенко устало машет рукой. – Хотя... не без этого.

– Почему вы с Аленой разошлись? Из-за него?

– Как посмотреть. Честно говоря, все было predetermined задолго до Кирилла.

Взглядом Алекс просит расшифровать.

Анатолий опускает кисти рук на подлокотники. Вылитый царь на троне. Только без царства.

– Я по жизни человек не семейный. Не потому, что не могу, а не хочу. Не требую от других большего, чем могут дать, и не выношу, когда этого требуют от меня. Нет ничего лучше свободных отношений. Сейчас мне хорошо, у меня все так, как нужно. – Агеенко вспоминает, что спрашивали не о нем. – С Аленой в этом плане тоже все было в порядке.

Алекс внимательно слушает.

– Мы с Аленой не мешали друг другу жить, – продолжает-ся исповедь. – Судьба свела нас, когда мне нужна была нежность, ей – сила, помощь и защита. Это именно то основание, те три кита, на которых строились наши отношения. Не больше. Плюс разница в возрасте – мне глубоко за сорок. Почти в два раза. Я понимал, что это не могло длиться долго. Каждый дал другому что мог.

– И тут появляется Кирилл... – подгоняет Алекс, – моло-

дой, интересный...

Пыл рассказчика, только что пошедший на убыль, снова взлетает:

– Нет.

– Что – нет?

Недоумение гостя льстит рассказчику как оратору.

– Кирилл потом. – Ухмылка против поднятых бровей. – Сначала Аленка связалась с Вовкой, а он мой ровесник.

144

Любовь – культурная надстройка на половом инстинкте, направленном на существование и размножение вида. Да, именно так, если ты ученый сухарь. Потому что любовь – это нечто, что чувствуешь, но объяснить не можешь.

Ох, как чувствуешь...

Чертовы домофоны. Чтоб их, в пекло через задницу, и много других случайно вырвавшихся нехороших слов. Кирилл гордится великим и могучим, но сейчас хочет орать обыденным обидным.

Открывать подъездную дверь никто не желает.

– Пожалуйста! – умоляет он. – Это срочно!

Смилостивилась одна старушка с самого верхнего, долгие ей лета. Щелчок запора слышен и снаружи. Зуммер. Кирилл ныряет внутрь.

Пусть сначала пятый. На нужную сторону выходят две квартиры. Кирилл начинает с ближней.

Сердце выпрыгивает. Дзинь-дзинь! Тишина. Еще раз: дзинь-дзинь! То же самое. Вот тебе и суббота.

Он перелетает к другой двери. Здесь ждет удача.

– Простите... – Кирилл склоняется к образовавшейся щели. – Вчера кто-то снял на телефон машину у соседнего подъезда. Не подскажите...

– Нет. – С резким стуком щель схлопывается.

Нервы. Кулаки побелели. Костяшки пальцев хотят наружу.

Ноги несут вверх.

Шестой, справа. Кнопка, пиликанье, шаги.

– Скажите...

– Вы кто?

– Сосед из другого подъезда. Можно один вопрос?

– Если быстро.

– Вчера...

– Вчера нас не было дома. Извините.

Слева. «Дрррр», – словно не звонок, а магазинная сигнализация. Зато хорошо слышно. Затемнение в глазке – кто-то смотрит и не спешит отворять.

«Дрррр», – еще раз.

– Откройте, пожалуйста. – Кирилл дрожит от нетерпения. – Я не уйду, пока не поговорю. Всего один вопрос...

То ли похожая на угрозу просьба почему-то срабатывает, то ли там долго раскочегариваются. Скрип отворяемой двери ласкает уши.

– Скажите...

Бум!

На Кирилла наваливается темнота.

143

– А Вовка – это кто? – Рука Алекса потянулась к планшету.

– Горский, Владимир Терентьевич, – охотно разъясняет Агеенко. – Друг детства. Судьба развела, а недавно встретились опять. Я их и познакомил на Вовкином дне рождения. Все как обычно: «Алена, это Вова, Вова, это Алена». Активно лысеющий Вова галантно шаркает ножкой. «Вы танцуете?» Медленное кружение... сокращение дистанции до нуля... бархатный шепот... Валерия, его жена, с тех пор меня ненавидит.

Алексу требуется конкретика:

– Их не могло связывать что-то... серьезное?

Агеенко грубовато хмыкает:

– Не могло, а связывало. Ради нее Вовка собирался уйти из семьи, готов был супругу с детьми бросить. И если бы Аленка не увлеклась более молодым и перспективным сотрудником Вовкиной фирмы...

– Уверены? – настаивает Алекс на предыдущем тезисе.

– Более чем, – смеется Анатолий. – Я уже говорил, что мы разрешали друг другу больше, чем принято в обычных семьях. Однажды моя очередная пассия не пришла, и я, вер-

нувшись без предупреждения, застал обоих интересующих вас голубков в интересной позиции. Пошутил еще, нельзя ли присоединиться. Вовку как ветром сдуло. Большой наивный мальчишка. Верил в любовь.

– Что потом?

– Они встречались какое-то время, пока ваш молодчик старого коня из борозды не выпихнул.

– А вы?

На губах Агеенко появляется печальная улыбка:

– Я давно понимал, что Алена уйдет. Не знал лишь, когда именно. Пока оставалась – не гнал, когда пришел срок – отпустил. Я не люблю проблем.

Алекс задумывается на секунду.

– Как вы познакомились с Аленой?

Вопрос Анатолию неприятен:

– Это обязательно?

– Желательно. Не имею права объяснять всего, но ваш ответ, возможно, спасет чью-то жизнь.

– Ну что ж, – Агеенко кивает. – Если все так серьезно...

Он встает, делает несколько шагов к окну, оборачивается:

– Об этом никто не знает, кроме нас с ней.

– Вопрос жизни и смерти, – напоминает Алекс.

– Хорошо. Но это должно остаться между нами.

– Само собой.

Алекс откровенен. Хозяин видит это.

– Дело в том, что я выкрал Алену.

– Откуда?!

– Как ни неприятно говорить... Из борделя.

142

– Как он нас выследил? – слышно приглушенно, как через вату. Разговаривают, видимо, за стеной.

– Узнал, как же еще. Нечего было свою рожу высовывать. Знал же, что я сзади.

– Ну, мало ли.

– Теперь кончать его, что ли?

Тишина из опасно-задумчивой превращается в зловещую.

До Кирилла доходит, где он видел физиономию паренька, который открыл дверь и обрушил на бедную голову Кирилла трехкилограммовую гантелю. В прошлый раз это был уют.

– Пацаны, – зовет Кирилл подростков, накачивающих себя для принятия судьбоносного решения. – Мне ничего не нужно. Даже не заявлял. Расписку дам, если хотите, что подарил вам все сам.

Рядом появляются две мосластых фигуры:

– Серьезно?

– У меня жена пропала.

Попытка понимания. Страх.

– И что? Типа, простишь нас и все оставишь?

Они неплохо набрали по мелочи. Деньжат вот только маловато.

– Прощу и оставлю, если поможете отыскать автора ролика.

– Чего?

– Того, кто примерно отсюда, – Кирилл подбородком указал на окно, – вчера снимал на камеру телефона.

141

Морщины на лбу Алекса выстроились по ранжиру:

– Как-как? Хотите сказать...

Он думал, что неспособен удивляться. Как же многого мы о себе не знаем.

– Ага, из него, – повторил Агеенко для непонятливых. – Она там работала. В Москве. Я в этом заведении оказался случайно, увидел Алену и не устоял. Терять было нечего – одинок, неустроен. Ей было хуже. Я предложил увезти с собой и увез. Так и познакомились.

У Алекса не нашлось слов.

– Кстати, сейчас прошлое словно прорвало, – добавил Агеенко, – прет одно за другим. Вчера одно, сегодня другое.

– Вчера? – напрягся Алекс.

– Приходил один хлыщ... как раз откуда. Искал.

– Зачем?

– Ищут с тех пор, как она сбежала. Наверное, неустойку требовать. Я дал ее новый адрес.

У Алекса руки едва не выжали воду из сдавленных подлокотников:

– Зачем?!

– Маленькая месть Кириллу. – На лице Анатолия – кри-
вой оскал. – Если смотреть на дело юридически, то он увел
у меня жену, и неважно, какие у нас были отношения. Какая
бы ни была и откуда ни взялась (а, кстати, как забыть, откуда
я ее вытащил?), она была моей, и мне с ней было неплохо.
Молодая, битая жизнью, без запросов. Другие о таких меч-
тают. Главное, повторяю, что она была моей, а когда у меня
берут пусть даже что-то ненужное, я обижаюсь. Теперь мы
в расчете.

Н-да...

– Что за человек приходил?

– Сутенер, владелец салона.

– Так и представился?

– Пришлось пугнуть маленько... – Агеенко извлек из сто-
ла и показал угрожающего вида пневматик.

– Поверил? – Алекса внешним видом не проведешь. От
огнестрела отличает мгновенно.

– Еще как.

Придется запрашивать Москву, просить помощи у та-
мошних. А это значит становиться обязанным. Ответные
просьбы, как правило, подванивали.

– Можно поинтересоваться, чем на жизнь зарабатываете?
– Алекс обвел взглядом квартиру.

Обстановка не кричала о больших доходах. Все как у всех,
что-то в большую сторону, что-то в меньшую: мебель, обои,

техника. Так живут миллионы.

– Владею маленьким бизнесом, – прозвучало в ответ. – Если понадобится – обращайтесь. Может, починить чего...

Анатолий протянул визитку.

После сообщения о мелочной мести к Кириллу уважение к нему упало. Бегло глянув, Алекс сунул визитку в карман.

– Непременно.

Взгляд при этом сказал другое: вряд ли.

Алекс прощается. На этот раз тиски рук холодят сталью.

– Последний вопрос. Где вы были и что делали вчера вечером? И кто может это подтвердить?

140

Неточность – вежливость снайперов? Не тот случай. И все же какая-то пара сантиметров в сторону – и Кириллу каюк. А так – только шишка. Но он не в обиде.

– Это же Генка с пятого, – радостно восклицает старший несостоявшийся убийца. – Его ник.

Они только что посмотрели ролик.

– Хочешь с ним поговорить? – лебезит второй, младший.

Они с Кириллом уже друзья. Ну, почти. Кирилл написал им расписку.

– Конечно.

Он собирается встать, его останавливают.

– Не, не надо. Ван момент. Вот. Генка. В сети – СуперГендальф-тридцать-три.

«Привет, – пишет Кирилл. – Ты дома?»

«А чо?» – Генка.

«Открой, разговор есть».

«Спускайся через минуту». – СуперГендальф-33 думает, что переписывается с соседом сверху.

Кирилл отодвигает клавиатуру.

– Пока, пацаны. Совет на будущее – прекращайте опасные игры. Доиграетесь.

– Само собой, начальник! – хищно щерится старший, пряча расписку поглубже.

Младший с облегчением и улыбкой глядит на старшего.

Кирилл мчится на пятый.

– Ты Генка? – вопрошает он вихрастое привидение, способное спрятаться за шваброй.

Это дверь, где раньше не открыли.

– И?

– Ты снимал вчера похищение?

– И?

Словарный запас парнишка бережет.

– Почему стал снимать?

– А чо?

Кирилл начинает злиться. Боль в груди напоминает о главном.

– Это была моя жена.

«Была» режет ухо не только собеседнику.

– В натуре? Чо, правда, похитили?

– Что ты видел? Почему стал снимать?

СуперГендальф-33 пожимает хлипкими плечами:

– Мужик за рулем позвонил куда-то и маску надел. Показалось прикольно.

– Мужик? Точно? – Грудная клетка не вмещает беснующийся орган.

– Вроде.

– Как он выглядел?

– Просто мужик. Сверху плохо видно.

– Цвет волос? Стрижка? Толстый или худой?

– Средний. В чем-то теплом. Вязанная шапка. Может, и женщина. Но мне показалось, что мужик.

– Какую маску?

– Детскую, новогоднюю. Смешную такую. Хрюша или Степаша.

– Почему же на ролике только крыша машины?

– Он сначала на обочине стоял, мне было видно все. Он позвонил по телефону, надел маску и подъехал к подъезду. Я и снял, как выскочила баба в одном халате, – Генка осекся, глядя на побелевшего Кирилла, но продолжил, – и прыгнула внутрь. Машина укатила. Все.

Пауза. Наконец, Кирилл очнулся:

– Если вспомнишь что-то еще – позвони. Хорошо?

рение. Погононосцы обращают на Кирилла внимание:

– Здравствуйте. Коммерческий директор Матвеев?

– Что случилось? – Кирилл еще только сбивал снег с ботинок на входе, он только что подошел.

На кражу не похоже. Налоговая недавно была, пожарники тоже. Зачем же полиция?

– Пройдемте внутрь.

Испуганная Наташа, бухгалтер-кассир, работающая с самого основания – уже там, у закрытых дверей.

– Кирилл! – причитает она, похожая на старую бабку, хотя ей едва за тридцать. – Ничего не понимаю. С отчетностью у нас все в порядке. Зачем нас всех сюда? Зачем они?..

Появилась Лиза – удачливый агент по недвижимости, после открытия нового направления перемежавшая работу в полях с должностью офис-менеджера. Молодая, улыбочивая, симпатичная. Она пытается строить глазки офицеру:

– Молодой человек...

Поправив шапку с кокардой, тот обращается к Кириллу:

– Ключи с собой?

– Да.

– Откройте и снимите с сигнализации.

– Может, подождем генерального?

– Нет.

Пожав плечами, Кирилл выполняет просьбу-приказ. Полицейские осматриваются, начинаются понятные только им передвижения.

В помещение входит еще один, в костюме. Удостоверение в нос:

– Следователь Караулин.

Обменявшись рубленными фразами с остальными, Караулин выцепил взглядом Кирилла:

– Откройте сейф.

– Ключ у Владимира Терентьевича.

– У вас должны быть дубликаты.

– Должны быть. Но нет. И прошу, в конце концов, объяснить, что происходит.

Следователь достает свернутую пополам бумагу.

– Вынуждены изъять всю документацию, – он предъявляет постановление, – а фирму закрыть. Незаконная предпринимательская деятельность. Статьи сто семьдесят первая и сто семьдесят вторая УК Российской Федерации.

Лиза бледнеет. Лицо Наташи вытягивается:

– Как же незаконная? Есть все документы. Уставные... из администрации... из налоговой... Ни одной претензии! Прощли все проверки...

Следователь улыбается:

– Не имеете права заниматься данным видом деятельности. Заведено уголовное дело.

– В таком случае, нужно дождаться генерального. – Скрестив руки, Кирилл расправляет плечи. Он готов ждать до скончания века.

– С Горским мы уже беседовали. Точнее, с его адвокатом.

– С адвокатом?

Хм. Владимир Терентьевич привык решать проблемы сам, без юристов. Юрист появляется, когда ситуация безвыходная. И это настораживает.

Лиза и Наташа тоже переглядываются.

– Теперь за главного вы, Матвеев, – сообщает следователь. – У нас есть несколько вопросов. Вы принимали вклады от населения?

– Нет. – Кирилл категоричен.

– Клиенты говорят, что да.

– Не вклады, а деньги за метраж. Мы продавали недвижимость по частям.

– Это так, – активно кивают обе сотрудницы.

– То есть, в рассрочку? В договорах нет такого определения.

– Не в рассрочку, – объясняет Кирилл. – Клиенты могли купить хоть квадратный сантиметр по сегодняшней стоимости, а завтра докупали по завтрашней, пока не набиралось на планируемую квартиру. На эти средства фирма приобретала на вторичном рынке недвижимость. Квартиры постоянно числились на балансе, чем гарантировалась реальность вложений. Часть денег вкладывалась в более доходные проекты, но этим занимался лично генеральный.

– Ага, все-таки, говорите, вложений. А только что говорили – не было вкладов.

Кирилл морщится. На защиту кидается Лиза:

– Вложения в недвижимость и вложения в банк – разные вещи!

– Девочка, не надо мне объяснять про вложения, – грубо отмахивается следователь. – Не учи отца. Ваши действия подпадают под статью о незаконной предпринимательской деятельности. Принимать взносы имеют право только банки. Отсутствие у акционерного общества «Риэлтинг» банковской лицензии говорит само за себя.

– Но мы не принимаем взносы! – отстаивает Лиза честь фирмы. – Мы продаем и покупаем недвижимость! И мы работаем официально, все виды деятельности прописаны в Уставе и утверждены во всех инстанциях!

Следователь жмет плечами. Чужое мнение ему неинтересно. Лиза злится. Следователь усмехается:

– Если вы такие честные и все деньги вкладывали, то на что жили?

Лиза, красная, как собственная кофточка, готова сдерживать. Кирилл вмешивается:

– Недвижимость находилась в обороте, то есть постоянно продавалась, вновь покупалась, а также сдавалась в аренду. Отсюда прибыль.

– Если клиент хотел расторгнуть договор и забрать свои деньги, он мог это сделать? – Хитрый взгляд следователя похож на капкан, что готов защелкнуться.

Кирилл не видит подвоха. Он честен:

– Естественно.

– На каких условиях?

– Выкупленные метры жилплощади в рублях по стоимости на день обращения.

– Как бы с процентом, да?

– Если цены выросли, то конечно.

Руки следователя радостно вскинулись.

– А вы говорили... – упивается он счастьем, потирая ладони. – Вам инкриминируются вышеуказанные статьи Уголовного кодекса РФ, части вторые, пункты «а» и «б»: деяния, совершенные организованной группой и сопряженные с извлечением дохода в особо крупных размерах.

Ужас Наташи и Лизы. Победный взор следователя:

– От трех до семи лет.

138

Полиция готовится опечатать офис. Сейф решают пока не трогать (тяжелый, дураков нет). Для начала – изъять незапертые документы и отвезти подозреваемых на допрос. Подозреваемых на данный момент трое. Как выясняется из бросаемых реплик, девицы, скорее всего, отделаются легким испугом, если не станут мешать следствию, а Кирилла, как основного подозреваемого, могут задержать надолго.

– Почему, – недоумевает он, – и нельзя ли отложить допрос на более удобное время?

Часы тикают. Скоро полдень. Ему еще деньги у Алекса получать.

Следователь Караулин шурится:

– Торопитесь? Не надо. С этой минуты можете никуда не торопиться.

– Но... – Реальность теряет материальную составляющую. Кирилл едва удерживается на ногах.

Алена... Павлик...

– Я не могу. У меня обстоятельства.

– Никаких обстоятельств. Забудьте. Сначала нужно ответить перед законом.

– Сколько времени это займет?

Мерзкая физиономия расплывается в упоении властью:

– Ответить не только в плане ответов на вопросы. Ответить – значит, отсидеть, сколько положено. А потом, когда выйдете, вам предстоит судиться с обманутыми вкладчиками и десятилетиями выплачивать из собственного кармана по их гражданским искам.

– Обманутыми? – режет неправильное слово. – Почему обманутыми? Не закрывайте фирму – и не будет обмана, каждый клиент получит свои деньги и недвижимость!

Следователь в ухмылке кривит губы.

Капитан, присутствующий здесь же, недовольно оборачивается (надо же, целого капитана отрядили. Для изъятия могли ограничиться сержантом. Почему же капитан?):

– Матвеев, вы проедете с нами. Необходимо допросить по всей форме, составить протокол, это может занять несколько часов.

– Несколько часов?! – У Кирилла нет столько времени.

– А если выяснится что-то особенное, то придется за-
крыть в КПЗ, статьи серьезные.

– Или сразу отправим в изолятор, – добавляет следо-
ватель. – Не сомневайтесь, Матвеев, ваша отлучка займет
несколько больше времени, чем вы можете себе представить.
Все зависит от степени сотрудничества со следствием.

Напрашивается. Или провоцирует. Кирилл готов выплес-
нуться эмоциями, едва держится. Нельзя. Никак нельзя.

– Капитан, – обращается он к офицеру, игнорируя непри-
ятного Караулина. – Обещаю быть у вас через три часа. Даю
слово.

– Слово... – хмыкает следователь.

– Могу оставить залог. Документы. Все, что хотите.

– Не положено. – Капитан отворачивается.

Кирилл глядит в сторону окна. За ним – задний дворик и
несколько выходов в разные стороны. Сознание пульсирует
на уровне помешательства.

Вспоминается утренний посетитель – тот, что принес дур-
ные вести. Может – так же?..

Страдание. Тоска. Боль. Решимость.

Лиза перехватывает его уходящий в свободу нечеловече-
ский взгляд. В ее глазах проявляется понимание. Губы тро-
гает слабая улыбка, и – словно поправляя выбившийся локон
– ладошка поднимается к уху: позвони! И...

– Господин полицейский, а что же всем нам теперь делать

– тем, кто здесь работал? – Она встает на пути между Кириллом и полицией.

У него появляется шанс. Шанс используется.

Бросок к окну. Рывок ручки вниз и на себя. Себя – в морозную свежесть. Свист воздуха в ушах. Шум позади.

Он бежит. Лиза. Замечательная девушка. Спасибо. Она дала ему фору в игре на жизнь.

Не свою. За свою он никогда бы не пошел на такое.

Теперь – вне закона. Пусть.

137

– Найдите мне эту сволочь! – брызжет слюной разъяренный босс, и сидящие за столом опасно опускают лица. – Из-под земли достаньте!

Алекс кивает:

– Сделаем.

Никогда еще не видел Сыча таким.

– Всех касается! – Гневный взгляд, словно гиперболоид, выжигает на поникших лбах собравшихся витиеватые кренделя.

Совещание вышло нервным. Алекс пришел в офис конторы привычно отчитаться о проделанном. Ему не было разницы, кому помогать, это было его профессиональным долгом, а зарплату по условиям договора он получал в любом случае. Теперь выяснилось, что дело его бесплатного клиента нужно отодвинуть в сторону из-за того, что кто-то нагрел босса на

огромную сумму.

– Забудьте обо всем, что я поручал ранее, – со всего маху врезает по столу кулак материально наказанного Бориса Борисовича, впервые попавшего в подобную ситуацию. Обычно наказывал он. – Не может быть ничего важнее. Забудьте о личном. Выкиньте из головы нытье жен и сиськи подружек. Найдите эту мразь и вытрясите душу!

Бригадиры достают кто блокнот, кто смартфон, кто планшет. Бывшие бандиты, ставшие начальниками отделов и кураторами особых направлений, умеют искать людей. Они знают, как возвращать долги и компенсировать потери.

– Десять миллионов долларов! – воздеваются к ощерившемуся светодиодными светильниками потолку ладони Сыча.

Солидно. Кто-то удивленно качает головой, кто-то хмыкает в подбородок.

– Акционерное общество «Риэлтинг», – диктует Сыч.

По листкам скрипят ручки, пальцы елозят по экранам.

Алекса берет оторопь. Замерев в нехорошем предчувствии, он слушает продолжение.

– Генеральный директор – Горский Владимир Терентьевич. Цель номер один. Исчез, когда узнал, что полиция собирается прикрыть лавочку. Сегодня счета и имущество фирмы арестованы.

Алекс хочет что-то спросить, но вовремя останавливается. Позже. Босс приказал забыть о других делах.

– Цель номер два, – Сыч внимательно следит, чтобы все прониклись важностью ставящейся задачи, – заместитель Горского. Коммерческий директор Матвеев Кирилл.

Палец Алекса прилипает к планшету.

136

Если сформулировать его профессию одной фразой, то Алекс – решатель проблем. Любых. От незначительных, вроде возвращения плачущей девчужке укатившегося мячика (просьба ребенка для него не менее важна, чем просьба губернатора) до глобально-мировых. Вроде устройства мира так, чтобы все были счастливы. Для чего он и работает.

А по убеждениям... Нет, не экстремист и не революционер. Он считает всех людей равными, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания. Равными перед законом.

Если в мире существуют законы – они должны исполняться. А кто трактует их исключительно в свою пользу, тому не место среди законопослушных граждан. Вывод прост – этих выбравших быть вне закона нужно оправить в жизнь вне закона. Вне нормальных людей. В ад.

Сейчас у Алекса имелись возможности, о которых раньше даже не мечталось. Он всегда поступал по совести, часто в ущерб себе. Единственное, с чем приходилось мириться – с репутацией нынешнего работодателя и его крутых парней. Временный компромисс. Единственный на совести Алекса.

Только здесь он мог помогать другим с наибольшим результатом и идти к главной цели, это искупало все.

– Алекс, ты вроде бы работал на Горского?

Все повернулись к нему.

– Да. Агентом по недвижимости. Недолго. Я и Леонид.

– Что можешь сообщить?

– Владимир Терентьевич всегда поступал честно. Ни клиентов, ни сотрудников при мне не кидал. Как бизнесмен – успешный, не мелочный...

– Не мелочный – это точно, – давится кто-то смешком, вспомнив о десяти миллионах.

Часы показывают одиннадцать. Через час Кирилл должен передать выкуп похитителям. А туго стянутая резинкой пачка сотенных, выписанных для спецоперации, все еще жжет карман. Десять тысяч долларов, как нужно. Нарушенное счастье простого человека важнее боссовых миллионов. Главное – не ляпнуть подобной крамолы вслух.

Сыч хороший физиономист. Он улавливает то, чего не заметили остальные:

– Ты упомянул – «при мне». Что-то подсказывает, что не зря.

– Не зря. Сейчас занимаюсь поисками пропавшей женщины и ребенка. Похититель женщины уехал на темной «БМВ» пятой серии без номеров. Через несколько минут камеры наблюдения отследили в том районе два «пятых бумера», один из них принадлежит Горскому. Это его вторая машина.

Обычно он ездит на «Дискавери».

– «Успешный, не мелочный...» – с хихиканьем цитируют его за столом.

– Что предпринял? – падает вопрос босса Алексу.

Смех умолкает.

– Послал Дыма поставить наружку у дома и слушать телефоны. Результат нулевой. Горского дома нет. Телефон заглушен.

– Забудь про женщину с ребенком, сосредоточься на главном, – командует Сыч. – Найди и вытащи подлюгу из норы, где тот затаился. Доставь мне в меру живым, но дееспособным. Работай. Все работайте. Свободны.

И, когда все уже встали, информационная бомба вдогонку:

– Для общего сведения. – Голос босса понизился. – Дом сторожить бесполезно: на днях Горский развелся с супругой, выписался из коттеджа, снял все средства со счетов и кредиток и еще занял у всех, у кого мог.

Долгая пауза. Обреченная констатация:

– У меня тоже занял. Еще двести тысяч, плюсом к тому, что ранее вложено в его фирму.

135

Ушел.

Ощущение, что в легкие впились когти монстра и рвут изнутри. Чтобы отдышаться, Кирилл забивается в подъезд

деревянной восьмиквартирной двухэтажки. Дом – древний, еще сталинской постройки, жильцы – с тех же времен, пенсионеры и алкоголики. Потому домофон и стальная дверь отсутствуют, у людей не нашлось на них денег. И это спасение.

Когда горло оказывается способным на подвиг, он наблюдает Алекса:

– Это я. Меня ищет полиция.

– Не только.

Не до подробностей.

– Жду где обедали, когда вместе работали. Где Наташа курила, когда для всех делала вид, что не курит. Не забудь про деньги.

– Ты там поосторожнее.

Отключившись, Кирилл разбирает телефон. Он не знает, как действует полиция в случае объявления человека в розыск, но лучше перестраховаться.

Алекс – метеор. Метеорит. На заднем дворе кафешки темно и мусорно. Кирилл только что пробрался туда. Снаружи у сугроба останавливается автомобиль, пассажирская дверца распаивается.

– Кирилл!

Лицо Алекса серьезно. Кирилл влезает и хочет поделиться новостями.

– Оденься, – останавливает его Алекс и указывает назад.

На сиденье лежит что-то в большом полиэтиленовом па-

кете. Внутри оказываются длинный серый пуховик и шапка. Прекрасно. В них Кирилл становится непохожим на себя.

– Вот. – Алекс протягивает завернутую в газету и перетянутую резинкой пачку банкнот. – Десятка.

Впереди светится вывеска «Атриума».

– Спасибо. Ты же понимаешь, отдам нескоро...

– Понимаю.

Они останавливаются и выходят недалеко от автобусной остановки, в другом месте здесь машину поставить негде. Мгновенно пробирает мороз. Мимо бредут похожие на роботов люди, они ничего не видят, они знают цель и движутся к ней вопреки обстоятельствам. Злой ветер ошпаривает колючим искристым снегом.

– Почему полиция? – интересуется Алекса.

– Не понимаю. Все абсолютно легально. Обвинения глупы и притянуты за уши.

Алекс выслушивает подробности, его губы кривятся:

– Притянуты, но основательно. Сидеть твоему генеральному, это точно. Если раньше его на куски не порвут.

Кирилл не понимает.

– Вкладчики волнуются. – Улыбка Алекса недобра. – В том числе Сыч с ребятами. Ищут Горского и тебя.

– Меня?! Почему?

– Горский исчез. Развелся, у всех занял денег и исчез.

«Обманутые вкладчики» – говорил следователь.

– Где твой телефон? – спрашивает Алекс.

– Разобрал. По нему меня могут...

– По нему могут связаться и изменить инструкции похитители.

– Я собирался включить позже.

– Отдай мне. – Корпус телефона исчезает в одном кармане Алекса, аккумулятор в другом. – ПИН-код есть?

– Восемьдесят шесть тринадцать.

Они медленно шагают к «Атриуму». Час Икс приближается.

– Время. Прости, прикрывать буду один, своих подключить не смогу. Ты теперь – дичь. Твой телефон буду держать включенным, если позвонят, отслежу. Объявятся вторые – представлюсь тобой и приму меры.

Кирилл кивает. Голова не вмещает всего, что надо. Она вообще пуста. Сейчас там живет только надежда.

Из параллельного мира доносится:

– Я буду поблизости, вмещаюсь при угрозе жизни, в остальном – что бы ни случилось, меня не должны видеть с тобой. Когда обмен состоится, домой не ходи. В любом случае не ходи, пока Горского не найдем. Мне теперь звони на другой номер. – Пальцы Кирилла автоматически принимают что-то протянутое. – Это тебе аппарат для экстренной связи, потом вернешь. Но лучше пользоваться электронкой с чужих компьютеров.

Кирилл снова кивает. Алекс вручает ему листок с номером, на который звонить, и электронным адресом

Без двух двенадцать. До входной арки сто метров.

У Алекса звонит телефон.

– Слушаю, – говорит он в трубку. – В центре. А без меня никак? Сейчас буду.

Он поворачивается к Кириллу:

– Прости, вызывают. Отказаться нельзя. Не забудь, что мне тоже поручено тебя искать, постарайся не делать глупостей.

– Постараюсь.

– Удачи, – говорит Алекс.

Пожатие рук.

134

Ругается последними словами умирающий под ногами раздавленный снег. Не глядя по сторонам, Лиза спешит домой. Допрос затянулся. Караулин очень старался, но притянуть и ее не получилось.

А она теперь безработная.

Вот и подъезд. Тепло. Голос из темноты:

– Лиза!

Она не пугается. Ждала. Надеялась – и не ошиблась.

– Пойдем, – просто кивает она и направляется к лифту.

Сумбур в сердце. Смесь радости и страха на прячущемся за отстраненностью лице, красном не только от мороза.

– Нет, – останавливает ее Кирилл, берет за руку и разворачивает к себе.

Глаза в глаза. И что же, что темно? Неважно.

– Не зайдешь? – огорченно выдыхает Лиза.

– Не сейчас.– Кирилл кашляет.

– Простыл?

– Пробежка аукнулась. Отвык. По морозцу-то.

– Чаю?

– Нет, кх-кх, спасибо. Что интересовало следователя?

Лиза косится по сторонам. Почтовые ящики скалятся грязными ухмылками, боковые квартиры затаились во мраке, от входной двери сквозит. Войти могут в любой момент.

– Может... все же поднимемся? – настаивает она.

Новый приступ кашля сгибает Кирилла пополам.

– Хорошо, – наконец, соглашается он.

Лиза идет вперед. Ему не видно, что она улыбается.

133

Он простоял более трех часов. Стоял бы и дальше. До вечера. До утра. Неделю. Жизнь.

Звонок в кармане вернул из небытия.

– Как дела? – спрашивает Алекс. Он говорит едва слышно. Видимо, рядом находятся те, кому не следует знать о разговоре.

– Никого.

– Ты еще там?!

– А что делать?

– Они не пришли и не позвонили. – Голос Алекса тих. –

Три часа – слишком большой срок. Не придут.

– Что теперь?

Кирилл говорит устало и почти равнодушно. Единственное чувство – дикая опустошенность. Он не знает, что делать и зачем жить. Алекс сообщает:

– Тебе – ждать следующих шагов похитителей или моих результатов. Мне – искать.

Итак, жить ради будущего. Все еще наладится. Обязательно.

В голове гуляет ветер, а надо строить планы. Куда податься? Правила просты: если тебя ищут – будь на шаг впереди. Иначе...

Он понимает. Обычные связи отпадают.

Кирилл смотрит по сторонам. Неужели в век сотовых этот аппарат не снят и не сломан? Удачно, не нужно искать кого-то или что-то, не нужно просить.

Кутаясь в шапку и воротник, он покидает арку «Атриума», на которой как честный человек уже обязан был жениться, если бы овеществилось все, что о ней за эти часы передумал. Из кармана брюк появляется завалившаяся потрепанная карточка-жетон. Хранил, будто знал. Жетон входит в отверстие таксофона.

Давно остывший труп уличного телефона мертво глядит на Кирилла дырами с цифрами.

Не получилось. Звонить с Алексовой трубки не стоит, номер могут отследить. Ладно, адрес он помнит – однажды

в день рождения Лизы помогал ей нести из дома в офис огромный торт, Владимир Терентьевич отрядил. Еще глазами некрасивые намеки делал, старый развратник.

К ней тоже опасно. И все же – нужно знать, что происходит.

Вот и встретились. Он идет за ней следом. Кирилл знает, что Лизе он нравится. Хорошая девушка, только себе на уме. Не будь у него Алены...

Боль. Не пришли, не позвонили. Нахлынуло.

Сквозь безобразные круги и нелепые пятна – бледное лицо:

– Кирилл, что с тобой?

Кружится голова. Куда-то пропадает тело. Почти насильно Лиза вталкивает его в лифт. Поддерживает, сопя где-то в районе груди под склоненной шапочкой. Когда ворота уединенности раздвигаются, она бережно подхватывает его за талию и ведет к квартире.

– Ты!

Удар в грудь.

Рука в перчатке, а грудь у Кирилла в пуховике, и эффект получается больше моральный. Ошеломить, а не угробить.

– Оставь Лизавету в покое! Еще раз увижу...

Боже, как мелко... Сердце вновь начинает биться.

Это не Сычевы бугаи. Жить и радоваться.

– Успокойся, я вообще...

Оправдания никому не нужны, поджидавший на площад-

ке парень пьян и невменяем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.